
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 6 ФЕВРАЛЬ 1976

Ударники пятилетки — сварщики Юлдаш Атаниязов и бригадир Анатолий Соколов.

Будущий газопровод пока на колесах.

За строкой проекта ЦК КПСС к XXV съезду партии

«В ТУРКМЕНСКОЙ ССР... ОБЕСПЕЧИТЬ ОСВОЕНИЕ ШАТЛЫКСКОГО И ДРУГИХ НОВЫХ ГАЗОВЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ. ДОВЕСТИ В 1980 ГОДУ ДОБЫЧУ ГАЗА ДО 75—80 МЛРД. КУБ. МЕТРОВ».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

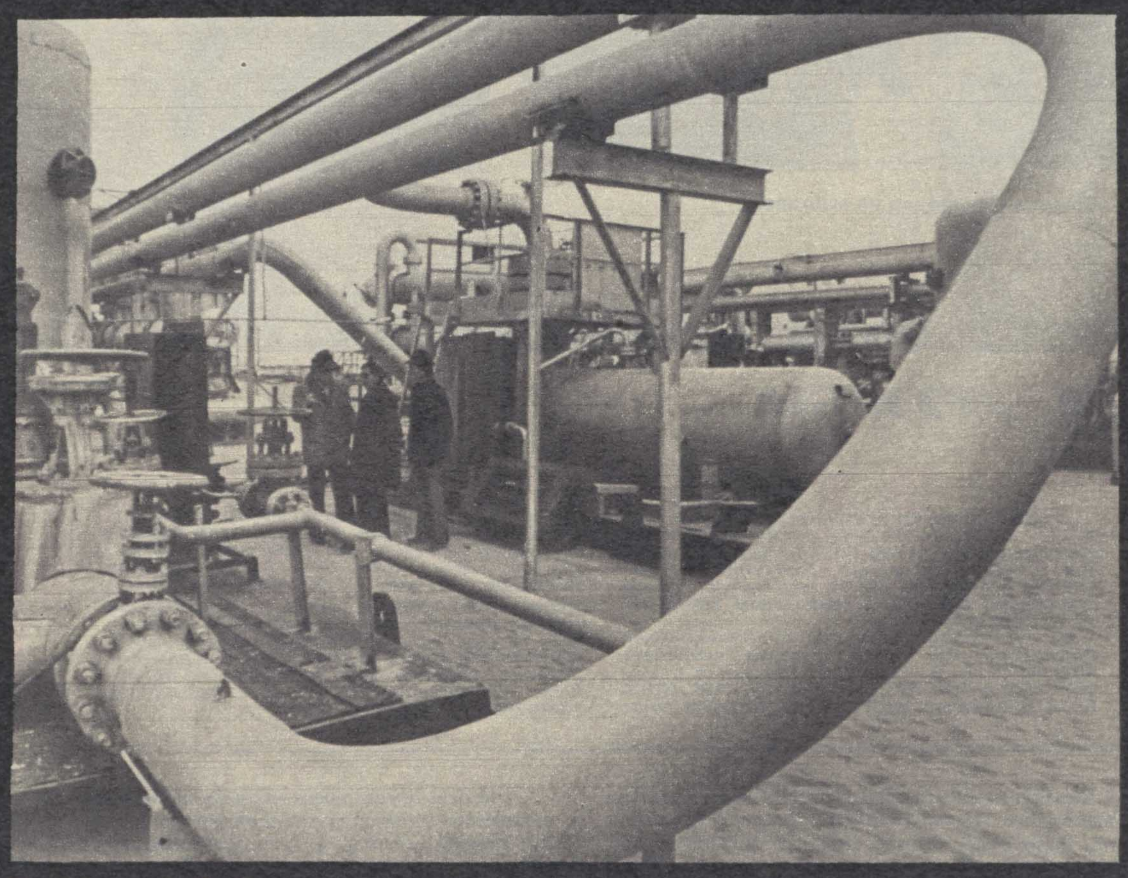
ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 6 (2535)

7 ФЕВРАЛЯ 1976

Геометрия труб.

РЕКИ ПОД БАРХАНАМИ

Вячеслав КОСТЫРЯ,
фото В. СВАРИЧЕВСКОГО,
специальные корреспонденты «Огонька»

Во время проводов на аэродроме. Фото В. Кузьмина (ТАСС)

УЗЫ СОЛИДАРНОСТИ И ДРУЖБЫ

2 февраля по приглашению Центрального Комитета Французской коммунистической партии на XXII съезд ФКП из Москвы в Париж отбыла делегация Коммунистической партии Советского Союза во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС А. П. Кириленко.

На аэродроме делегацию провожали член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, другие официальные лица.

В парижском аэропорту Бурже глава делегации КПСС сделал заявление для печати, в котором отметил, что советских и французских коммунистов уже более полувека связывают тесные узы солидарности и дружбы, которые окрепли в совместной борьбе против сил империализма и реакции, за светлые идеалы мира, демократии и социализма. Наша партия, сказал А. П. Кириленко, дорожит этой дружбой, и, по нашему убеждению, эти чувства разделяют коммунисты Франции.

К XXV съезду КПСС — с новыми успехами

Страна идет к очередному съезду партии с новыми успехами. В печати опубликовано сообщение ЦСУ СССР об итогах выполнения Государственного плана развития народного хозяйства СССР в 1975 году. Минувший год был завершающим годом девятой пятилетки, план его успешно выполнен. Предварительные итоги развития народного хозяйства за 1971—1975 годы показывают, что выполнены основные социально-экономические задачи пятилетки. Достигнуты серьезные успехи на всех направлениях хозяйственного и культурного строительства, намеченных XXIV съездом КПСС.

Национальный доход составил в пятом году девятой пятилетки 362 миллиарда рублей, это на 14 миллиардов больше, чем в предыдущем. Важно, что около трех четвертей национального дохода использовано на потребление. Таким образом, на основе роста экономики осуществлялись предусмотренные Директивами XXIV съезда КПСС мероприятия по повышению материального благосостояния народа. По сравнению с 1974 годом в минувшем году возросла продукция промышленности. В народном хозяйстве введены в действие основные фонды общей стоимостью 106 миллиардов рублей, что на 7,7 миллиарда рублей больше, чем в предыдущем году.

Научно-технический прогресс во всех отраслях народного хозяйства способствовал дальнейшему росту общественной производительности труда; за счет этого обеспечена экономия труда около трех миллионов человек. В промышленности сверх плана реализовано продукции на 6,8 миллиарда рублей. А прирост производства по сравнению с 1974 годом составил 7,5 при плане 6,7 процента.

В результате дальнейшего технического совершенствования и интенсификации производства улучшены технико-экономические показатели работы промышленности.

В 1975 году для нашего сельского хозяйства в большинстве районов сложились исключительно неблагоприятные погодные условия, что привело к недобору зерна и некоторых других видов продукции. Тем не менее общий объем продукции сельского хозяйства составил 90 миллиардов рублей — это превосходит уровень среднегодового производства в восьмой пятилетке на 12 процентов.

Вступив в новое пятилетие, советский народ уверенно идет вперед по пути, указанному партией. Нас, по сообщению ЦСУ СССР, стало 255,5 миллиона человек — семья единая, могучая, способная решать задачи любой трудности.

Каракумские барханы. Дует обжигающий «афганец». Песчинки звонко ударяют по машине. Узловатые, бледно-зеленые побеги саксаула. В глазах фиолетовая рябь от метелок тамариска. По трассе, пробитой сквозь сыпучие пески в глубь Заунгузских Каракумов, идут и идут тридцатитонные «МАЗ-543», груженные плетями из трех-четырех труб. Идут с юга и с севера. Днем в кабине водителя жара.

— Терпимо?

— Только зайцы роют норы в песке и там отсиживаются... А у нас план. Плюс обязательство. Надо...

Лишь тут по-настоящему и оценишь прохладный перелесок среднерусской полосы с родниковой, ломящей зубы водой.

У тех, кто среди песков сваривает трубы в «нитку» газопровода, с заходом солнца начинается самая работа: с семи вечера до семи утра. Сварка, несмотря на большие размеры кольцевого шва,— дело ювелирное. Экзаменует сварщиков давление: свыше семидесяти атмосфер! С таким давлением по трубе устремится река газа.

Под толщей каракумских песков — океан природного газа. Лишь за девятую пятилетку добыча его в Туркмении составила около 147 миллиардов кубометров. А за один нынешний год достигнет 54 миллиардов — пятая часть от общего объема природного газа, добываемого в стране.

Первый секретарь ЦК Компартии Туркменистана Мухамедназар Гапурович Гапуров рассказал:

— Итоги труда тысяч людей, причастных к развитию газовой промышленности республики, можно оценить как настоящий подвиг. Еще за восьмую пятилетку у нас были открыты и частично освоены газовые месторождения, вполне соизмеримые со знаменитыми месторождениями Западной Сибири. Разработана четкая программа освоения этих запасов на ближайшие годы. Подготовлено все необходимое для сооружения третьей очереди газопровода Средняя Азия — Центр. На решающих участках производства находятся коммунисты.

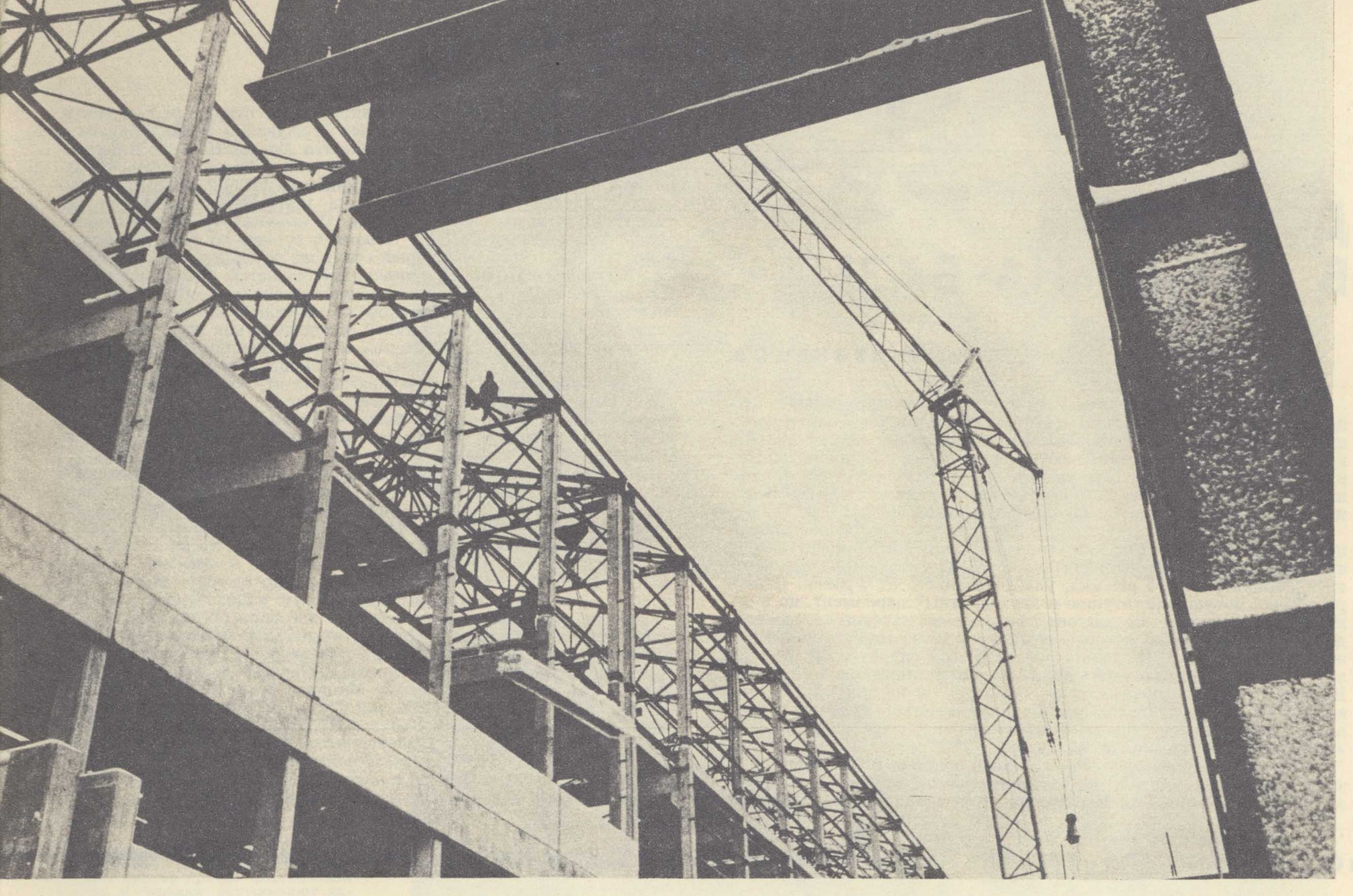
Мне вспомнились строки Владимира Луговского: «На свете все одолевать привык пустыню обуздавший большевик». Когда написаны были эти строки, Мурзе Курбанову, бригадиру бурильщиков Шатлыкского газопромысла, было всего десять лет. Потомственный дайхан из колхоза «Ленинизм», Марыйской области, он уже в семнадцать лет стал рабочим-железнодорожником. С начала войны ушел на фронт, воевал на Первом Белорусском. Дважды ранен, награжден двумя медалями «За отвагу». После победы — нефтяник Небит-Дага. Но когда началось разведочное бурение на юго-востоке республики, Мурза Курбанов оставил обжитое место и приехал в пески Шехитли.

— Так оно называлось, пока не рванул в небо фонтан промыслового газа,— говорит Мурза Курбанов.— Теперь Шехитли совсем нет, теперь Шатлык называется, а по-русски «радость». А чего не радоваться, если скважины в порядке. И старый и малый меня «яшули» величают — «почтеннейший»! В прошлом году за хорошую работу бригада подземного ремонта получила премию. Меня, как бригадира, наградили орденом Ленина. На три с половиной километра под землю смотреть надо, чтоб ни один кубометр газа мимо трубы не пошел! Народное добро... Вот как строго насчет охраны недр на сессии Верховного Совета СССР говорилось. Закон! И мне надо пример показывать... За меня люди голосовали, депутатом Верховного Совета Туркменистана избрали. Собрались бригадой и решили вместо восемнадцати скважин обслуживать двадцать, срок ремонта по каждой на два часа сократить. Наш подарок XXV съезду партии.

В 1967 году под Москвой на торжественном митинге был зажжен факел в честь завершения строительства трансконтинентального газопровода Средняя Азия — Центр. На севере республики к газопроводу Бухара — Урал уже подключилось Ачакское месторождение. Потом его подключили к линии Средняя Азия — Центр.

Как раз тогда начал работать здесь Ёлдаш Игдыров. Он родом тоже из дайханской семьи, из колхоза «50 лет Туркменистана», Ташаузской области. Прошел рабочую школу на нефтяных промыслах Небит-Дага. Воевать не довелось — родился в 1938 году.

— Воюю с газом,— говорит Ёлдаш.— Оператор по добыче на сборном пункте. С тридцати скважин устремляются на нас газовые потоки. В первое время жутковато было. Но мне на учителей повезло: Топорков, Ханчаров... При-

Строительство второй очереди Череповецкого химического завода.

СОЗИДАНИЕ

рожденные газовики. «Не тушуйся,— говорят.— Газ хорошего пастуха любит, а штуцер для него — кнут. Так что следи за штуцерами да на приборы поглядывай...» Вот и не тушуюсь. К юбилею республики получил орден Трудового Красного Знамени. Гоним с промысла Ачак на Хиву миллионы кубометров газа в сутки. Гоним и в сорокапятиградусную жару. И при минус тридцати с ветерком. А в песках это чувствительно.

В стороне от промысла вырос поселок газовиков Газ-Ачак с четырехэтажными домами. Пятнадцать тысяч жителей! И о каждом нужна забота: от них зависит, чтоб газ шел по графику. За последние годы в пустыне построены такие населенные пункты, как Котурдепе, Шатлык, Барса-Гельмес. Последний значит в переводе «Пойдешь — не вернешься». На память о недавнем прошлом, когда люди и заходить сюда боялись...

Крупнейшее предприятие республики — Всесоюзное промышленное объединение «Туркменгазпром». В его ведении эксплуатация Ачакского, Шатлыкского, Наипского и других месторождений. Начальник «Туркменгазпрома» Абды Анналиевич Анналиев больше всего озабочен транспортировкой постоянно возрастающих объемов готового к отправке «голубого топлива».

На столе у него лежит газета «Правда» с проектом ЦК КПСС к XXV съезду «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы».

— За девятую пятилетку мы увеличили добычу газа в четыре раза,—говорит он.— Задание десятой пятилетки—довести добычу газа до семидесяти пяти—восьмидесяти миллиардов кубических метров — нам под силу: скважины богатые, и вступают в строй все новые и новые, значит, требуются дополнительные газопроводы. Дорога нужна! Магистраль! И не одна...

Газопроводы пересекли Среднюю Азию во многих местах в разных направлениях. И это не просто трубы, сваренные в нитку, это реки под барханами.

...Из скважины горячий — стоградусной температуры — газ прихватывает с собой разные примеси, вредные для труб. Чтобы охладить и очистить поток, монтируются специальные установки, и лишь после комплексной обработки «голубое топливо» через головные сооружения поступает в газопровод. Но в пути, как и всякий пассажир, газ требует внимания. Естественный напор по мере движения иссякает, нужны компрессорные и дожимные компрессорные станции. Да и от солнечного прогрева труб ему не по себе: теряется скорость движения. Требуются холодильники. Целое дорожное хозяйство! Так что немало забот у тех, кто прокладывает газовые магистрали.

Ветеран этого дела Виктор Иванович Дударев. Он начинал трудовой путь сварщиком, а сейчас возглавляет трест «Средазнефтегазмонтаж».

...По краю стола под локтями у Дударева — вафельное полотенце. Такое же я видел и в кабинете Абды Анналиева. В жару спасение — зеленый чай.

— «Туркменский разговор»,— смеется Виктор Иванович.— Десять лет назад «сибирским разговором» отводили душу. Кедровые орешки щелкали, когда вели трассу Туймазы — Омск — Иркутск. Тогда же я окончил Томский политехнический, отделение сварки... Здесь вначале было полегче. Первые среднеазиатские нитки прокладывались в основном по оазисам. А вот Шатлык — Хива — по самой пустыне. Четыреста шестьдесят восемь километров! Первую нитку сдали в апреле 1974 года, вторую — в 1975-м. В 1976 году наше особое внимание — линейным компрессорным станциям, чтобы газ двигался быстрее, в отличном темпе, а лучше сказать, в темпе десятой пятилетки! Как ни трудно бывает каракумским газопроводчикам, однако победа всегда за ними, и тон здесь задают такие энтузиасты, как бригадир монтажников Анатолий Соколов, строивший трассы Бухара — Урал и Средняя Азия — Центр, сварщики Юлдаш Атаниязов, Владимир Рентсевич, Анатолий Лебедев, Делявар Абдувелиев, специалисты по монтажу оборудования, бригадиры Николай Большаков, Петр Зеленский и многие другие.

...Каракумские барханы. По ним движутся тридцатитонки с плетями труб на спинах. И уходит в бледно-голубую даль стремительное русло новой газовой реки.

Наш взгляд

ДОЛЛАРЫ В ОБМЕН НА БАЗЫ

Георгий КУЗНЕЦОВ

Столкнувшись с решительными выступлениями трудящихся Испании, правительство Ариаса Наварро хватается то за кнут, то за пряник: волну арестов сменяют заверения в приверженности демократии и обещания реформ, а потом снова в ход идет полиция. Вынужденные отступать под давлением народа, власти ведут отчаянные «арьергардные бои», чтобы выиграть время и оттянуть неминуемые изменения если не на годы, то хотя бы на месяцы.

Произнесенная на прошлой неделе после очень основательной пропагандистской подготовки «программная» речь председателя правительства отнюдь не означает начала наступления на бастионы антидемократического режима, унаследованного от Франко. Наварро обещал новую конституцию и двухпалатный парламент, но в одной из палат, сенате, предлагает сохранить назначенных еще «каудильо» ультраправых, которые сейчас образуют Национальный совет Национального движения фаланги — франкистской партии, этой единственно «законной» политической организации в Испании. Наварро говорил о политической амнистии, но не для всех, и подверг нападкам компартию, деятельность которой, судя по всему, власти легализовать отнюдь не намерены, несмотря на разговоры «о свободе политических ассоциаций».

Столь явно противоречивые действия властей, по свидетельству западной печати, вызвали не только острое недовольство со стороны демократических сил Испании, но и весьма кислую реакцию в западноевропейских странах, шокированных открытым попранием новым режимом даже ограниченных буржуазных свобод. Однако в трудный для себя момент правительство Ариаса Наварро и реставрированная испанская монархия получили «тонизирующую инъекцию» в форме весьма недвусмысленно высказанной поддержки со стороны заокеанского дядюшки Сэма, который на протяжении десятилетий активно помогал Франко. В качестве «рецепта» служит подписанный между США и Испанией сроком на пять лет «договор о сотрудничестве», который сразу же окрестили «военным».

Полученная Испанией «инъекция» является комбинированной. Наряду с «вливанием» в ее военный организм 1 миллиарда 250 миллионов долларов, в основном на приобретение новой военной техники, в ней содержится такой компонент, как создание «объединенного штаба по координации и планированию», что означает привязывание испанской военной колесницы к огромной американской военной машине. Расплачиваться за эту «инъекцию» пациент должен натурой: на испанской земле еще на 5 лет сохранятся четыре американские военные базы — военно-морская для атомных подводных лодок в Роте и военно-воздушные в Торрехоне, Мороне и Сарагосе.

Каковы же результаты воздействия заокеанской «инъекции»? По общему мнению специалистов, она имеет многоцелевое назначение. Прежде всего это моральная поддержка нового режима, которая особенно важна для Мадрида, поскольку страны «Общего рынка» не слишком торопятся с принятием Испании в ЕЭС. Во внутренней области это — недвусмысленное поощрение «умеренности» правительства Наварро, которое, по словам газеты «Руде право», «сохраняет антикоммунистическую направленность курса».

Создание в рамках заключенного договора органа для координации развития сотрудничества между США, Испанией и НАТО означает, как считает «Нью-Йорк таймс», «повышение статуса Испании в Западном оборонительном сообществе», что, если отбросить эзопов язык, означает шаг Мадрида по пути к вступлению в НАТО. И, по мнению «Вашингтон пост», «с заключением этого соглашения Испания приближается к НАТО так близко, как это только возможно, не становясь членом этого союза». Подписав договор с Испанией, США рассчитывают залатать ползущий по швам южный фланг НАТО, а это не только противоречит духу Хельсинки, но и представляет серьезную угрозу для дела мира.

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «ОГОНЬКА»

ЗА КУЛИСАМИ «СВОБОДНОЙ ЕВРОПЫ»

Владимир ЛЕНСКИЙ, корреспондент чехословацкого журнала «Кветы»

Поспешишь — людей насмешишь. В этой истине лишний раз убедились сотрудники радиостанции «Свободная Европа». На днях чехословацкая печать опубликовала сообщение о том, что на родину вернулся офицер чехословацкой разведки, выполнявший задание на пресловутой радиостанции «Свободная Европа». Руководители радиостанции поспешили заявить, что они не знают, о ком идет речь, никто не бросал у них работу, что это опять-де козни «коммунистической пропаганды». Но настал день, когда разведчик предстал перед общественностью. На пресс-конференции, организованной по этому случаю, капитан Павел Минаржик показал служебное удостоверение номер 25121 сотрудника радиостанции «Свободная Европа».

В сентябре 1968 года Павел Минаржик прибыл в Вену. Юлиусу Фирту, бывшему директору «Свободной Европы», агенту ЦРУ, показалось, что от этого двадцатитрехлетнего чеха может быть польза. Дело в том, что юноша предложил кое-какой «товар»: данные шпионского характера. Душа опытного американского разведчика возрадовалась. Фирт, конечно, не знал, что материал, принесенный молодым человеком, специально подготовлен чехословацкой разведкой. Он купил документы, пообещав познакомить Минаржика с Ярославом Пехачеком, занимавшим в то время пост директора чехословацкого отдела «Свободной Европы». Вскоре Павел получил предложение работать на этой радиостанции.

В Мюнхене Фирт одновременно поручил Минаржику собирать сведения для американцев о тех, кто работает в «Свободной Европе». Кто же те люди, которые объявили, что хотят «освободить» Чехословакию от избранного ею социалистического пути?

Например, Ричард Кук, исполнительный директор радиостанций «Свободная Европа» и «Свобода», прибыл в Мюнхен из так называемого «отдела исследований» ЦРУ. Директор отдела кадров и административного сектора обеих радиостанций в Мюнхене Ганс Фишер был американским разведчиком еще в годы второй мировой войны. С 1947 года работает в ЦРУ, тогда же и был командирован в Мюнхен.

Голи — чехословацкий эмигрант, убеждавший Минаржика, что фашисты были вправе убивать узников концлагерей, поскольку это-де издавна право победителей. Милан Шульц — бывший сотрудник газеты «Литерарни новинни», долгие годы был агентом ЦРУ, его завербовал в начале 1960-х годов все тот же Юлиус Фирт. По указанию ЦРУ и за его деньги в 1968—1969 годах участвовал в контрреволюционных выступлениях в Чехословакии.

Рука об руку с ними работают представители так называемой «новой эмиграции», возникшей после 1968 года, те, кто до сих пор выдает себя за коммунистов.

Павел Минаржик вошел в доверие у руководителей «Свободной Европы» и получил возможность проникнуть, так сказать, в кухню этого филиала ЦРУ. Чем же занимаются тут «повара» «холодной войны»? В прошлом году «Свободная Европа» подготовила передачу к тридцатилетию окончания второй мировой войны. Она показала в извращенном свете роль СССР, на плечи которого легла вся тяжесть борьбы с гитлеровским фашизмом. С подобной целью велись и другие передачи, в которых использовались различного рода «мемуары», письма правых политиканов, выступавших большей частью по прямому заказу «Свободной Европы» (разумеется, за щедрую мзду).

Руководство «Свободной Европы» является координатором деятельности эмигрантских организаций. Накануне совещания в Хельсинки в мюнхенском штабе появились всякого рода меморандумы, целью которых было восстановить общественное мнение Запада против общеевропейского совещания.

Свидетельства капитана чехословацкой разведки П. Минаржика еще раз показали, что деятельность радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа» представляет опасность для мира в Европе и во всем мире.

Прага (по телефону).

Во время пресс-конференции П. Минаржика.

Удостоверение сотрудника «Свободной Европы» № 25121.
Телефото ЧТК — ТАСС

1

В Лиссабоне по инициативе ряда профсоюзов, входящих в единый профцентр португальских трудящихся — Интерсиндикал, состоялся многотысячный митинг, участники которого выразили решительный протест против повышения стоимости жизни и замораживания заработной платы.

2

Части Национальной армии Народной Республики Ангола ведут успешные наступательные действия на всех фронтах, нанося большой урон врагу в живой силе и технике. Захвачено большое количество оружия и боеприпасов американского, китайского производства, а также некоторых стран НАТО.

3

Чилийские трудящиеся активизируют борьбу против фашистской хунты. В городах вспыхивают забастовки, распространяются листовки с призывом свергнуть режим Пиночета. Сейчас хунта усиленно пытается изъять из обращения банкноты достоинством в 500 эскудо, которые патриоты используют в качестве прокламаций. На многих банкнотах появляются надписи: «Хунта Пиночета — это хунта бандитов», «Свободу и демократию Чили» или, как на этой репродукции: «Мы проиграли одну битву. Но не войну».

4

Это один из последних снимков знаменитой английской писательницы Агаты Кристи, скончавшейся недавно в возрасте 85 лет. Автор многих десятков романов, пьес и других крупных произведений, она была признанным мастером детективного жанра.

5

Седьмую годовщину жизни с чужим сердцем отметил 55-летний Эмануэль Витриа (слева), старейший из французов, перенесших операцию на сердце. В 1968 году в Марсельском медицинском центре Э. Витриа, которому, по самым оптимистическим прогнозам врачей, оставалось жить не больше недели, было пересажено сердце молодого солдата, погибшего в автокатастрофе. Юбиляра поздравил известный марсельский кардиолог профессор Жув (справа).

6

Шофер надевает цепи на колеса автомашин для преодоления обледенелых участков дороги или при езде по плотно укатанному снегу. Финские специалисты создали аналогичное приспособление для обуви. С помощью резинового жгута стальные пружины крепятся к подметке. Гололедица теперь не страшна.

Фото ТАСС и из журнала «Перспективы».

1

2

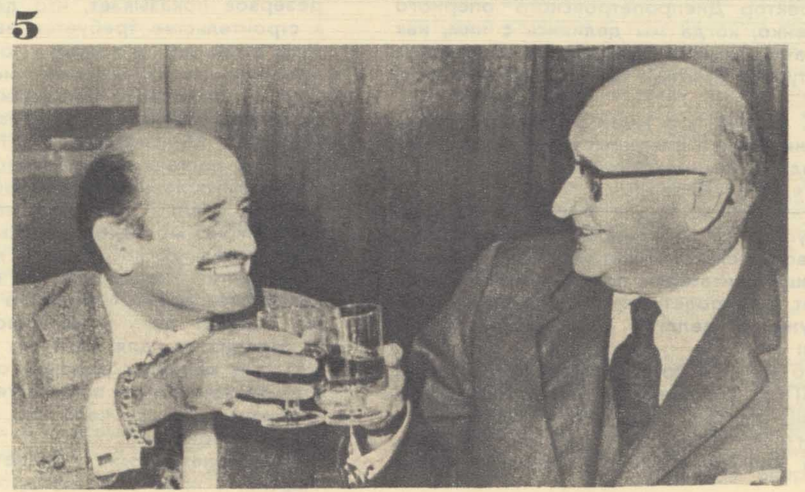
3

4

5

6

ВЫСОКОЕ

А. СОФРОНОВ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Заканчивая выступление на XXII областной партийной конференции Днепропетровщины, бригадир электромонтажников Григорий Иванович Павленко сказал:

— Только труд является главным воспитателем молодых людей, только он возвеличивает каждого из нас.

Позже стало известно, что Григорий Иванович избран делегатом на XXV съезд КПСС. Мы встретились с ним. Я спросил Павленко:

— Чем запомнился вам последний год пятилетки?

Павленко улыбнулся:

— У нас каждый год чем-нибудь запоминается. Прошлый год, пожалуй, работой бригады в Никополе... Монтировали электрооборудование завода ферросплавов. На это ушло пять месяцев.

— А что впереди?

— Впереди тоже много интересного. В частности, электромонтаж шестого мелкосортного стана на Криворожском металлургическом заводе.

— За какой срок думаете выполнить эту работу?

— Да, так думаем, месяцев девять уйдет.

— А что еще особенно памятно за последние годы работы?

— Монтаж девятой домны.

— Сколько человек в вашей бригаде?

— Пятнадцать.

— Бригада дружная?

— Не жалуюсь. Никто не подводит. Да и не может подвести. Мы все друг за друга...

...На груди у Григория Ивановича сверкает золотая звезда Героя Социалистического Труда.

— Когда случилось это большое событие в вашей жизни?

— За монтаж девятой домны наградили...

Он очень скуп на слова, бригадир электромонтажников.

— Давно работаете в этих местах?

— Вся жизнь с этими местами связана. Пятнадцати лет, в 1944 году, после того, как нашу землю освободили от оккупантов, пошел работать. С тех пор здесь, на родной земле.

— С чем вступает ваша бригада в десятую пятилетку?

Павленко какое-то мгновение молчит, а затем говорит:

— Главная дума, чтобы все, что мы делаем, было высококачественно. Такая наша криворожская земля, столько в ней заложено, что, когда мы поднимаем все это наверх, когда возводим гиганты индустрии, думаем о том, чтобы и наши дела приносили как можно больше пользы народу. Это, пожалуй, главное...

* * *

Уже после конференции директор Днепропетровского оперного театра Марк Григорьевич Литвиненко, когда мы делились с ним, как со старым другом, своими впечатлениями о выступлении бригадира комсомольско-молодежной штукатурной бригады Валентины Костогрыз, сказал:

— Я всегда буду помнить ее, потому что именно она со своими девчатами работала в новом здании нашего оперного театра, которому нет еще и двух лет. Валина бригада запомнилась нашим певцам и музыкантам: работала, что называется, от всего сердца.

Я не случайно спросил делегата конференции Марка Литвиненко о Валентине Костогрыз. Ее выступление, спокойное, рассудительное и очень деловое, было горячо встречено делегатами конференции. Мне хочется дать возможность нашим читателям познакомиться с теми вопросами, которые она, делегат Днепропетровской областной партийной конференции, а теперь уже и делегат XXV съезда КПСС, по-хозяйски высказала с трибуны:

— Мне приятно доложить, что и наша комсомольско-молодежная бригада, ровесник XXIV съезда КПСС, созданная из выпускников профессионально-технических училищ, внесла свой посильный вклад в осуществление планов капитального строительства в девятой пятилетке. Мы завершили ее на два месяца раньше срока, а задание 1975 года выполнили к 15 декабря.

Григорий Иванович Павленко.

Труд возглавляемых мной штукатуров хорошо виден и в реконструкции старейших заводов города — имени Петровского и имени Бабушкина — и в строительстве таких уникальных зданий, как Днепропетровский театр оперы и балета, Центральный универмаг. Работа наша оценивалась там только на «хорошо» и «отлично». Достигнутые показатели — результат высокого профессионального мастерства, повышения экономических, политических знаний и общеобразовательного уровня членов бригады, их высокой сознательности и дисциплины.

Однако нельзя сказать, что строители сделали все для использования внутренних резервов. Мне хотелось бы от имени бригады и своих коллег-штукатуров высказать ряд соображений. Анализ наших резервов показывает, что для повышения производительности труда в строительстве требуется еще бо́льшая механизация ручного труда. Хотя в последнее время и появились штукатурные станции, затирочные машинки, но их недостаточно, а обслуживание этих механизмов требует значительных физических усилий. Вся эта техника еще далека от совершенства и быстро изнашивается. Мы надеемся, что в десятой пятилетке Минтяжстрой УССР обеспечит нас качественным инструментом и в достаточном количестве.

Более половины штукатуров и маляров — женщины. Хочу отметить, что эти крайне необходимые специальности все меньше и меньше привлекают молодежь. Здесь не последнюю роль играет спецодежда. Действительно, посмотрите: как выглядит женщина-строитель на рабочем месте? Спецодежда ее пошита непонятно на какие фигуры и по каким стандартам, утонешь в таком костюме. Это, конечно, существенно снижает темп и качество работы.

Непонятно, для кого же так часто публикуются в журналах прекрасные образцы рабочей одежды? Просьба к Министерству легкой промышленности — повнимательней присмотреться, во что мы сегодня одеваем рабочего человека, по каким моделям и из какого материала шьем рабочие костюмы.

Не менее важно обеспечить нам нормальные бытовые условия. Партия и правительство проявляют большую заботу о строителях.

ДОВЕРИЕ

С большим интересом мы читаем, смотрим по телевидению, слушаем рассказы очевидцев об организации быта строителей на важнейших стройках страны. Я имею в виду комфортабельные передвижные бытовки.

Мы тоже получаем неплохие бытовки. Правда, они громоздки, неудобны для транспортировки. Но главная беда в том, что их мало. Сегодня каждая бригада хочет иметь такую бытовку. А при работах на реконструкции предприятий нужда в них особенно остра.

Нам стало известно, что в городе Павлограде строится завод по изготовлению бытовок для строителей. Но там капиталовложения из года в год не осваиваются. По-видимому, строители города Павлограда не совсем правильно понимают свою же собственную заинтересованность в этом предприятии. То, что так необходимо нам всем, они делают неоправданно медленно, а значит, плохо.

Валентина Семеновна Костогрыз.

Наш коллектив горячо одобрил решения декабрьского (1975 года) Пленума ЦК КПСС и проект ЦК КПСС к XXV съезду партии «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы». Мы приняли повышенные социалистические обязательства: используя внутренние резервы, план 1976 года выполнить к 7 ноября. Нашим подарком XXV съезду КПСС будет выполнение двухмесячного задания ко дню открытия съезда.

* * *

...Девятая криворожская домна. Самая большая в мире. Жемчужина советской металлургии. Тысячи людей были связаны с ней, когда она строилась. Да и сейчас связаны: сотни, тысячи людей обеспечивают домну-гигант сырьем. Один из них — Иван Илларионович Стадниченко, машинист экскаватора Новокриворожского горно-обогатительного комбината.

Иван Илларионович Стадниченко.

...Слушаю его и думаю о том новом, что внесла жизнь в годами складывавшиеся понятия. Старые, опытные кадры? Мы привыкли: вот если с довоенных времен человек на заводе, тогда действительно старый, опытный... Но жизнь вносит коррективы. Опытный — это уже не обязательно с довоенным стажем.

В цеха заводов и фабрик сейчас приходит все больше и больше молодежи. Ее обучают личным примером, ей передают свой опыт те, кого с полным правом называют ныне наставниками. Один из ораторов с трибуны конференции сказал: «Нам совсем небезразлично, кто сменит нас у наших станков и агрегатов». Но для того, чтобы сменить ветеранов, надо быть на высоте не только тех больших задач, которые связаны с выполнением количественных показателей. Страна, народ, партия требуют эффективности и высокого качества работы.

...На груди Ивана Илларионовича золотая звезда Героя Социалистического Труда. И еще, один в один, три почетных знака, на которых выбиты слова «Победитель социалистического соревнования». И помечены годы: 1973, 1974, 1975...

1976-й еще впереди.

— Огромное событие для всех нас — XXV съезд родной Коммунистической партии. И огромное счастье быть его делегатом,— говорит Иван Илларионович.— Все мои мысли сейчас только о том, чтобы оправдать своей работой высокое доверие, которое оказывает нам наша партия.

* * *

...В эти дни на Днепропетровщине дули холодные ветры, ярко светило морозное солнце, но где-то уже из южных краев, казалось, приходили ветры весенние, те самые, что несут с собой каждый год новые надежды людям, зорко глядящим вперед. Такими людьми были и есть передовики Днепропетровщины, широкой, могучей, всегда неутомимой в трудах, в вечном движении вперед.

Днепропетровск.

НАШИ ГОСТИ

«Пшиязнь» («Дружба») — так называется еженедельный иллюстрированный журнал, который издается в Польской Народной Республике Обществом польско-советской дружбы. Знают его и читатели «Огонька» — на наших страницах появлялись материалы, подготовленные с участием польских коллег. У нас в гостях побывали на днях главный редактор «Пшиязни» Доброслав Попшечко (на снимке справа) и собственный корреспондент журнала в СССР Марек Сечковский. Были обсуждены планы дальнейшего сотрудничества двух журналов.

Высшая награда НРБ — М. А. Шолохову

Посол Народной Республики Болгарии в СССР Д. Жулев вручил орден Георгия Димитрова выдающемуся советскому писателю академику Михаилу Александровичу Шолохову.

Высшей награды НРБ советский писатель удостоен за литературную деятельность, оказавшую большое влияние на развитие социалистического реализма в болгарской литературе, и в связи с семидесятилетием со дня рождения.

М. А. Шолохов сердечно поблагодарил Государственный совет НРБ за высокую оценку его литературной деятельности, за теплые слова, сказанные в его адрес.

Фото В. Созинова (ТАСС).

«ОГОНЕК» НА КАМАЗЕ

«Приз у нас!» — говорит Борис Курамшин (в центре).

Фото Камиля Ситдикова.

Набережные Челны. Дворец культуры «Энергетик». В большом зале — строители. В третий раз подводятся здесь итоги конкурса журнала «Огонек» и производственного объединения «Камгэсэнергострой» на лучшую бригаду, работающую по новой форме хозрасчета.

Открывая вечер, секретарь парткома «Камгэсэнергостроя» Б. Н. Болдырев подчеркивает особое значение этих дней. Гигантская стройка, многотысячный коллектив автозаводцев готовятся к пуску главного конвейера сборки автомобилей, на всех заводах во всех цехах комплекса идет соревнование за право участия в сборке узлов и машин первой колонны ко дню открытия XXV съезда КПСС. Государственная комиссия подписала акт о приемке первой очереди кузнечного завода. Сотни коллективов стоят на вахте «Пятьдесят ударных дней в честь предстоящего съезда родной партии».

Председатель жюри конкурса главный инженер производственного объединения «Камгэсэнергострой» В. А. Альфиш остановился на итогах работы строителей за последнее полугодие девятой пятилетки и задачах первого года десятой пятилетки, пятилетки качества и высокой эффективности производства. Предстоит ввести в строй первую очередь автомобильного комплекса, построить 430 тысяч квадратных метров жилья, из них 20 тысяч сверх плана; сдать четыре школы, несколько детских садов, родильный дом, больницу, кафе, столовые, комбинат бытового обслуживания; интенсивно вести сооружение ГЭС и сельскохозяйственных объектов. Бригадный подряд, так хорошо зарекомендовавший себя на стройке,— один из мощных рычагов, способствующих решению этих больших задач.

— В 1974 году, когда мы начинали конкурс, было всего 33 бригады, работающие по-злобински, сегодня 120 коллективов,— говорит В. А. Альфиш, — они сэкономили около трехсот тысяч рублей. Предполагается довести количество таких бригад до двухсот. На их плечи только по домостроительному комбинату ложится более половины всего объема работ. Отрадно, что хозрасчетный подряд завоевал прочные позиции в автотранспортном хозяйстве, на перевозке железобетона, раствора и кирпича. Бригады Барова и Семикашева, например, намного перевыполнили свои планы. Первыми лауреатами премии журнала «Огонек» были коллективы каменщиков Александра Зотова и плотников-бетонщиков Антона Лапцевича, — напоминает докладчик.— В июле 1975 года мы вручали приз Раису Салахову и вымпел Валентину Тихонову. Сегодня мы поздравляем новых победителей конкурса — коллективы Бориса Курамшина и Михаила Харитонова. Бригада Курамшина, применив подрядный метод, построила и сдала с оценкой «хорошо» на две недели раньше намеченного срока две школы. При этом сэкономлено 40 тысяч рублей. Производительность труда достигла 159 процентов. В бригаде привыкли трудиться творчески. Экономический эффект рационализаторских предложений, поданных за последнее время, составил здесь более 60 тысяч рублей.

Вторая премия журнала «Огонек» присуждена бригаде Михаила Харитонова, вот уже пять лет работающей на строительстве прессово-рамного завода. Все это время бригада неизменно идет в числе лучших по «Автозаводстрою». Особенно хороших показателей ей удалось достичь на сооружении монолитных фундаментов станции нейтрализации. Перейдя на хозрасчетный подряд, весь объем строительных работ она осуществила за 56 дней вместо 75 и снизила стоимость монтажа на 6449 рублей. В бригаде широко распространено наставничество. Только за последние два года строительным профессиям обучено 24 человека.

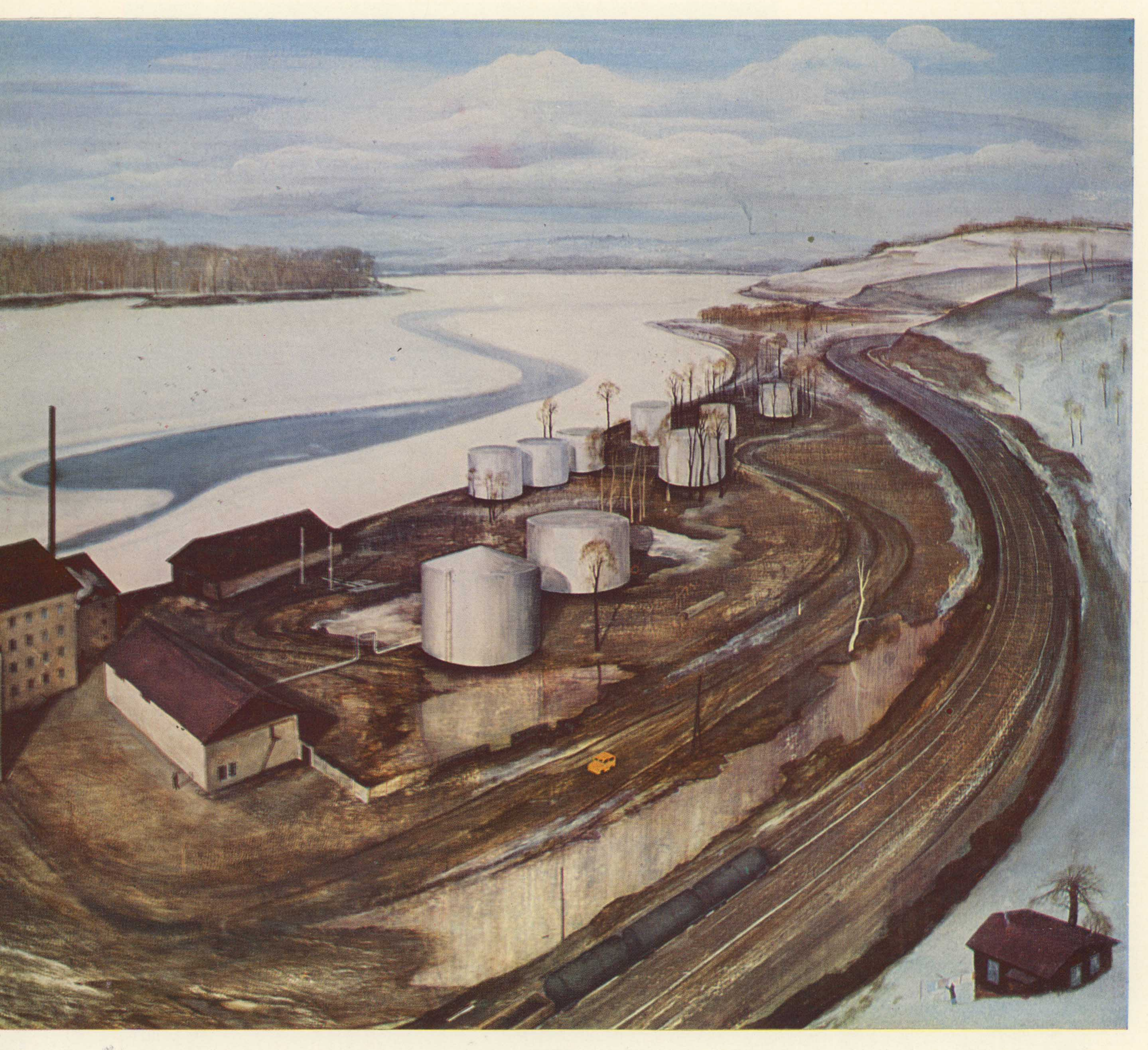
Заместитель главного редактора журнала «Огонек» С. А. Высоцкий тепло поздравил лауреатов третьего этапа конкурса, вручил переходящий приз Борису Курамшину, а памятный вымпел «Огонька» — Михаилу Харитонову. Три члена бригады Курамшина премированы бесплатной поездкой в Москву — они будут гостями журнала.

Во встрече со строителями приняли участие член редколлегии журнала «Огонек» Ю. П. Попов; поэты Анатолий Парпара и Евгений Антошкин; композитор, солист ансамбля «Березка» Виктор Темнов; спортивный обозреватель еженедельника «Футбол — хоккей» Евгений Рубин; специальный корреспондент журнала «Огонек» Галина Куликовская.

На другой день огоньковцы и приехавшие в составе бригады «Огонька» Анатолий Парпара, Виктор Темнов и Евгений Рубин встретились с рабочими КамАЗа на площадке автосборочного завода автомобильного комплекса и в одном из общежитий.

В. Скобеев. Род. 1933. ЧАЙКИ НАД КАМОЙ. 1973—1974.

Я. Крыжевский. Род. 1948. УФИМСКИЕ ГОРИЗОНТЫ. 1973.

интервью «огонька»

ПЯТИЛЕТКА „СОВРЕМЕННИКА“

«Современник» — слово не случайное в русской литературе. Так назывался литературный журнал, издававшийся А. С. Пушкиным, это же имя носил журнал, который редактировал Н. А. Некрасов. В наши дни «Современник» — название издательства Госкомиздата РСФСР и Союза писателей РСФСР. Первой книгой, увидевшей свет в этом издательстве, был сборник военных произведений Михаила Александровича Шолохова, куда вошли «Наука ненависти», «Они сражались за Родину», «Судьба человека».

В 1971 году здесь вышло всего 25 книг, в 1975-м — 233 книги. «За это пятилетие,— говорил на IV съезде российских писателей председатель правления СП РСФСР С. В. Михалков,—издательством выпущено около 800 книг общим тиражом 42 миллиона экземпляров. Постоянно нарастает темп изданий национальных авторов. В «Современнике» вышли произведения, переведенные с 42 языков Российской Федерации. Можно только пожелать издательству не уступать завоеванных рубежей и совершенствовать свою работу».

Наш первый вопрос директору издательства, писателю **Юрию Прокушеву:**

— Прошло пять лет со дня выхода первой книги, изданной «Современником». Расскажите, пожалуйста, как все начиналось?

— Родился «Современник» 1 января 1971 года. Тогда не было ни одной рукописи, ни одного договора, ни одного автора, а все издательство состояло из 7 человек. Но была ясная цель — выпускать яркие, высокого гражданского звучания книги о делах и чаяниях наших современников, лучшие произведения прозы, поэзии, критики, созданные писателями, проживающими в краях, областях и национальных республиках России. Тем самым открывался путь к широкому всесоюзному читателю многим литераторам с так называемой «периферии».

Теперь можно сказать, что цель была поставлена верно. «Современник» стал своеобразным собирателем литературных сил Советской России. Практически нет такой писательской организации в РСФСР, чьи авторы не были бы представлены в наших изданиях и наших планах на будущее. Мы издавали и издаем ленинградцев Федора Абрамова, Сергея Воронина, Даниила Гранина, ивановца Владимира Жукова и горьковчанина Николая Кочина, вологодского писателя Василия Белова и иркутянина Валентина Распутина, магаданца Юрия Васильева и костромича Вячеслава Шапошникова, астраханца Юрия Селенского и саратовца Ивана Малохаткина, уральца Ивана Акулова и томича Александра Шелудякова. У нас неоднократно выходили книги Расула Гамзатова, Мустая Карима, Кузьмы Абрамова, Даширабдана Батожабая, Юрия Рытхэу и многих других национальных авторов.

Главная задача нашего издательства — выпускать новинки литературы, «брать рукописи прямо с писательского стола». Поэтому мы поддерживаем постоянный контакт с местными писательскими организациями.

— Юрий Львович, просматривая планы выпуска литературы издательства «Современник» за пять лет, обращаешь внимание на то, что уже в первом, тоненьком плане 1971 года был намечен принцип серийности изданий, который с каждым годом не только сохранялся, но и развивался. Каковы сегодня серии «Современника»?

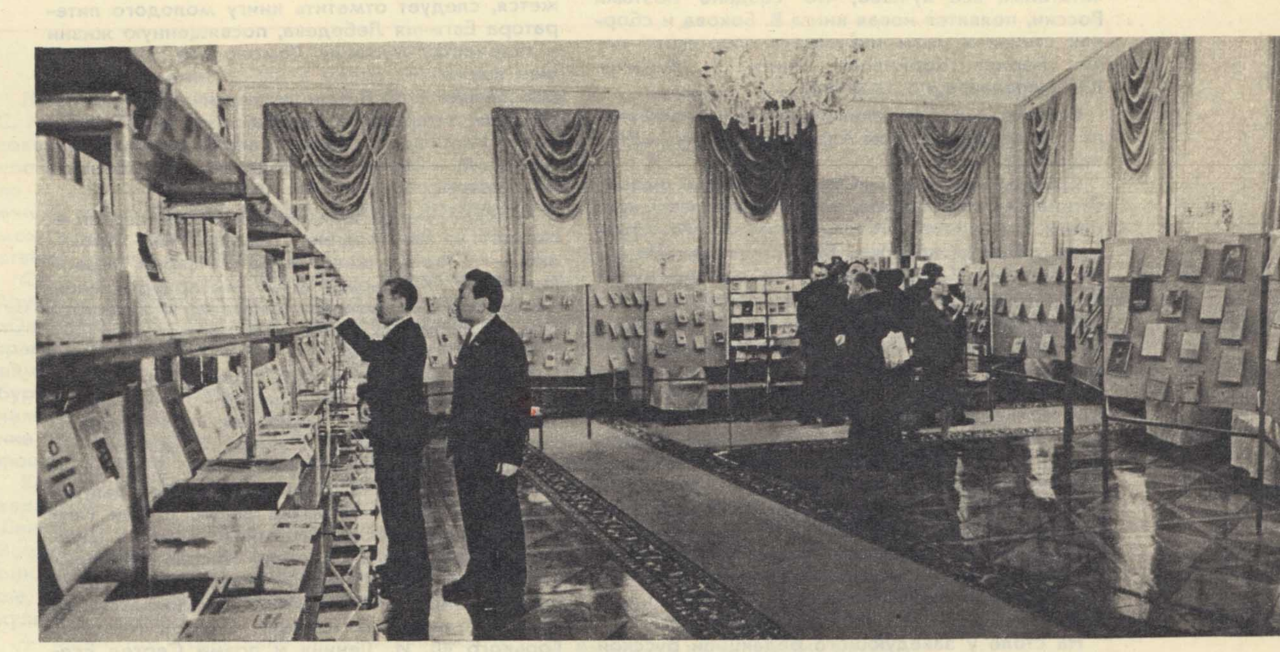
— Мировая практика книгоиздательского дела сейчас все более утверждает серийный принцип. «Современник» выпускает более десяти серий и библиотек. Самая большая — «Новинки «Современника». Ежегодно в ней выходят десятки книг писателей Советской России, как широко известных, так и делающих первые шаги в литературе.

Задача серии «Библиотека российского романа» — донести до читателя наиболее интересные романы, созданные писателями Российской Федерации за годы Советской власти. Одним из первых в этой библиотеке был издан звучащий глубоко современно роман Леонида Леонова «Дорога на океан». О высоком критерии отбора произведений в эту серию говорят сами названия книг, в ней вышедших: «Тихий Дон» Михаила Шолохова, «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Капитальный ремонт» Л. Соболева, «Первые радости» К. Федина, «Горячий снег» Ю. Бондарева, «Вечный зов» А. Иванова, «Хмель» А. Черкасова.

Есть в нашем издательстве одна не совсем обычная серия — «Библиотека «О времени и о себе», в которой наши крупные писатели выступают с остропроблемными публицистическими раздумьями о времени, духовном мире нашего современника, о путях развития общества, о различных сторонах жизни нашей литературы и культуры. В серии «О времени и о себе» уже появились книги Александра Твардовского, Сергея Залыгина, Василия Федорова, Виталия Закруткина, Михаила Алексеева, Алима Кешокова, Кайсына Кулиева и других.

Примерно двадцать книг в год выходит в нашей молодежной серии «Первая книга в столице». Издает «Современник» и еще несколько серий: «Наш день», «Библиотека поэзии «Россия», «Классическая библиотека «Современника», «Библиотека «Любителям российской словесности», «Литературная карта РСФСР» и некоторые другие.

— Использует ли «Современник» в своей

«Современник» — современнику» — выставка книг издательства во время работы IV съезда писателей РСФСР.
Фото А. Карзанова

практике работу с писателями по горьковскому принципу социального заказа?

— В годы первых пятилеток именно по социальному заказу создавались произведения на материалах великих строек — Магнитки и Турксиба, Днепростроя и Комсомольска-на-Амуре. Горьковский принцип, взятый нами на вооружение с первого же года работы, позволяет активно влиять на литературный процесс, творчески формировать издательские планы. Мы избрали три генеральные темы, дающие нам возможность всесторонне охватить современность,— тема рабочего класса, деревенская и военно-патриотическая темы.

Конкретизируя их перед отдельными писателями, издательство планирует книги о БАМе и КамАЗе, колхозах и стройках, созданные по свежим следам событий, согретые живым дыханием наших дней. По социальному заказу «Современника» работали и работают десятки писателей, среди них: А. Первенцев и К. Симонов, О. Куваев и В. Распутин, М. Львов и С. В. Смирнов, Ф. Абрамов и М. Румянцева, Ю. Нагибин и К. Лагунов. Безусловно, такое сотрудничество с писателем непросто. Оно требует от редактора значительных творческих усилий, хорошего знания конкретного материала, тесной связи с автором. Но все затраты сторицей окупаются новыми книгами, в которых ярко запечатлен образ нашего современника.

С каждым годом растет число книг, выпускаемых «Современником». В 1976 году выйдут книги почти 250 наименований. О планах на этот год рассказывает главный редактор издательства **В. Сорокин:**

— Среди новинок «Современника» сборник повестей Б. Куликова «Быстрина» — о людях труда, об отношении наших современников к родной земле. Увидят свет в этом году книги Н. Воронова «Макушка лета», М. Водопьянова «Небо начинается с земли», Ю. Шесталова «Тайна Сорни-най», А. Леонова «И остались жить», В. Лидина «Друзья мои — книги», Р. Лихачевой «Целинники».

В «Библиотеке российского романа» в 1976 году появятся произведения Д. Фурманова, Г. Маркова, С. Залыгина, П. Замойского, Г. Баширова.

Из книг, выходящих отдельными изданиями, можно отметить сборник безвременно ушедшего талантливого русского писателя Константина Воробьева «Вот пришел великан...», роман Т. Хуусконена «Стальной шквал» о Великой Отечественной войне, роман В. Каверина «Освещенные окна», книгу очерков В. Чивилихина «По городам и весям», роман С. Бабаевского «Сыновний бунт», своеобразную историю географических открытий — работу С. Маркова «Земной круг».

Немало поэтических книг подготовил «Современник» к изданию в 1976 году. В «Библиотеке поэзии «Россия», цель которой — дать читателям все лучшее, что создано поэтами России, появятся новая книга В. Бокова и сборник стихов и поэм известного советского поэта Бориса Корнилова, книги Я. Ругоева, Ю. Хаппалаева и В. Цыбина.

Советская поэтическая классика представлена в этом году поэмой Александра Блока «Двенадцать».

Среди новинок «Современника» назову сборники таких поэтов, как «Ромашковый полдень» Е. Савинова, «Страна июнь» Р. Ахметжанова, «Земная красота» Е. Антошкина, «На семи ветрах» Н. Краснова, «Сто первое чудо» К. Мустафина и ряд других.

Верный своей традиции искать и вводить в литературу новые имена, «Современник» впервые издает в столице книги молодых поэтов из различных краев, областей, республик России. С первой книгой стихов выступают выпускники Литературного института О. Балакина, Л. Вьюнник, В. Телегина, участник VI Всесоюзного совещания молодых писателей А. Павлов, рабочий из Пскова В. Половников, тульский поэт В. Сапронов.

В издательстве заканчивается работа над рукописями книг, которые выйдут в 1976 году. Мы попросили редакторов познакомить с некоторыми из них читателей «Огонька».

На столе у заведующего редакцией русской советской поэзии **И. Ляпина** сборник вологодской поэтессы Ольги Фокиной «От имени сердца».

— Первую часть сборника,— говорит он,— составляют характерные для этой поэтессы новые стихи о северной деревне, современной жизни северян, природе. Вторая часть — лучшие стихи из уже выходившей в «Современнике» книги О. Фокиной.

— Скоро появится сигнальный экземпляр сборника стихотворений Леонида Мартынова «Земная ноша»,— рассказывает его редактор **А. Меньков.**— Книга стихов этого поэта «Гиперболы», вышедшая в 1972 году в нашем издательстве, была удостоена Государственной премии СССР. В новой книге философская лирика соседствует со стихами, посвященными искусству, поэзии. Среди них — «Баллада о Федоре Достоевском», «Баллада о Илье Репине», «Есенин».

Старший редактор редакции русской советской прозы **Л. Костина** представляет сборник «У нас в России» — одно из изданий, выпускаемых к XXV съезду партии:

— Сюда вошли очерки как известных писателей и журналистов России, так и участников Всероссийского семинара молодых очеркистов в Переделкине. Очерки рассказывают о строителях КамАЗа и БАМа, хлеборобах Кубани, Сибири, Нечерноземья, горняках и рыбаках. Среди авторов сборника — Анатолий Аграновский, Леонид Иванов, Виль Липатов, Рамиль Хакимов и другие.

— Новый роман Бориса Можаева «Мужики», отрывок из которого печатался в «Огоньке»,— говорит старший редактор **С. Лисицкий,**— посвящен жизни деревни двадцатых годов, времени, предшествующему коллективизации. Автор хорошо знает среду, в которой живут его герои и обычаи русского села. Мы надеемся, что это произведение понравится читателям.

— Наша редакция литературы народов РСФСР,— отметил в беседе заведующий редакцией **Ю. Кузнецов,**— намечает выпустить более 60 книг, принадлежащих перу писателей, представляющих практически все национальные литературы нашей Российской республики. Здесь новый роман известного якутского писателя Софрона Данилова «Красавица Амга», роман ингушского писателя А. Бокова «Багровые зори», повести и рассказы чувашского писателя А. Емельянова «Запоздалый суд» и ряд других.

— В планах редакции критики и литературоведения «Современника»,— сказал заведующий редакцией **А. Карелин,**— книга Ю. Бондарева «Поиск истины», выходящая в серии «Библиотека «О времени и о себе». Это размышления о литературе и писательском труде, портреты писателей.

Современный литературный процесс освещают книги критиков разных поколений — А. Метченко, И. Золотусского, Ю. Селезнева, В. Петелина и некоторых других авторов. Несколько книг появится в «Библиотеке «Любителям российской словесности». Здесь, мне кажется, следует отметить книгу молодого литератора Евгения Лебедева, посвященную жизни и творчеству Михаила Ломоносова. В ближайшее время мы сдаем в набор интересное исследование Е. Осетрова о классическом произведении литературы Древней Руси — «Слове о полку Игореве». В этой же серии выходят книги о М. Салтыкове-Щедрине, И. Бунине, В. Шишкове.

— XXIV съезд Коммунистической партии,— сказал в заключение беседы **Ю. Прокушев,**— «Современник» встретил своей первой книгой. К XXV съезду КПСС мы приурочиваем целый ряд книг русских писателей и литераторов, пишущих на языках многих народов Российской Федерации.

Хочется особо выделить только что вышедший очередной том нашей Ленинианы — «Самый человечный человек», где собраны произведения о В. И. Ленине, созданные писателями всех союзных республик. В преддверии XXV съезда КПСС вышли: второй выпуск сборника «БАМ — стройка века», роман Петра Проскурина «Судьба», книги Василия Шукшина «Брат мой», Евгения Носова «И уплывают пароходы», Виктора Астафьева «Где-то гремит война». В ближайшие дни появятся два наших подарочных издания — очерк Максима Горького «В. И. Ленин» и поэма Сергея Есенина «Анна Снегина».

Беседу вел В. ЕНИШЕРЛОВ.

Стихван ШАВЛЫ

МОЙ

ТАНЕЦ СВЕТА

В начале февраля начинается танец света.
Народная примета.

Мне танец света бесконечно люб!..
Да здравствует начало февраля!
Оно снимает с солнышка тулуп,
и начинает оживать земля.

Светлеет день, и голубой наряд
уже не прячет в мерзлом сундуке.
А солнце припасает для ребят
побольше масла на ломоть в руке.

Девятый сон опять уходит в срок.
Наполнен свежим соком краснотал.
У воробьев, синичек и сорок
под балалайку разыгрался бал.

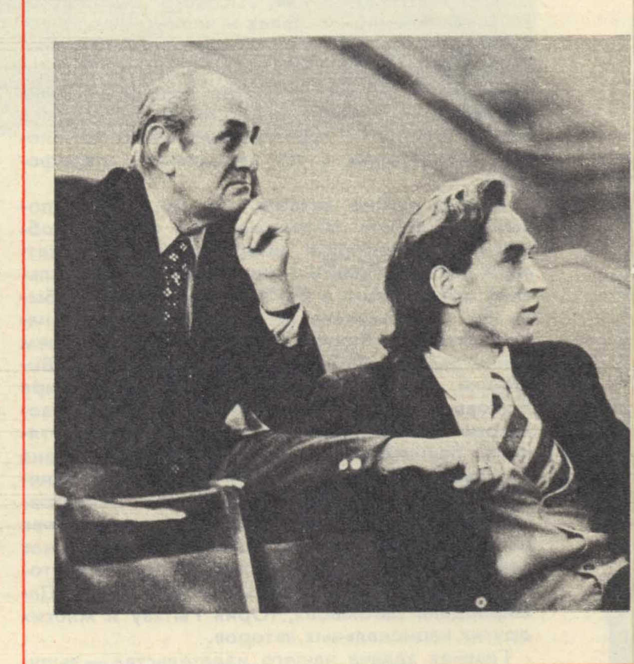
Весна послала первого гонца.
Клинок разящий вынут из ножон.
И танец света длится без конца,
стократ в глазах прохожих отражен.

Перевел с чувашского Виктор ШИРОКОВ.

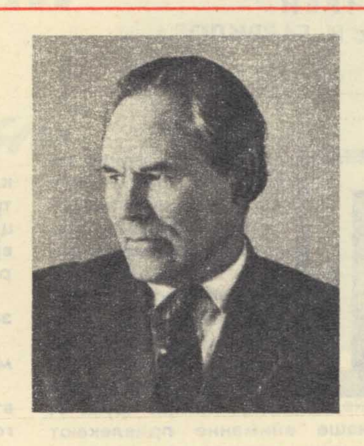
ВДОВА

Часы предутренне стучат,
Замужницы с мужьями спят.
А ты в дому всегда одна,
Пускай темно — вставать пора.

Пока ты спишь коротким сном,
В дремоту погружен и дом.
Дела отстали, вещи спят,
Телок с коровой не мычат.

ДОЛГ СУРОВЫЙ

Снега уснули у ворот,
Тут Анна вдовая живет.
Когда-то мужняя была,
На мужнином плече спала,
А мужа звали Федором,
В земле он спит за Одером.

Жгутом тяжелым горе свито,
С портрета юноша глядит,
И женщина, тоской убитая,
«Сыночек!» — мужу говорит...

Он старости ее не видел,
Морщин ее не уследил
И охлажденьем не обидел,
Он впрямь не мужем, сыном был...

Охапку дров находолавших
Несет хозяйка со двора,
Огонь живым, в бою не павшим
Разжечь пришла уже пора.

Снега высокие кидает,
К своим воротам путь торя,
Снега, они ведь к урожаю,
Они ведь падают не зря.

Потом она картошку варит,
Дом обиходит на ходу,
Такие дни судьба ей дарит
Раз триста на одном году.

Домашних дел она не мерит,
Она спешит к другим делам,
К тем главным, что кипят на ферме,
Что в самый раз бы мужикам...

Такие уж солдатки-вдовы,
Все по характеру сродни,
Они и в бой идти готовы,
Чтоб выполнить свой долг суровый
Перед могилами войны.

В ГОСТЯХ У БРАТА

1

Порфирий, брат,
Опять накоротке,
Опять не досыта мы навидались,
Кругом жара,
А ты тут в холодке,
И так легко мне впасть в благую зависть.
О, как мне хорошо в твоем саду,
Как сладко мне под яблонями спится,
Мелькают дни велосипедной спицей —
Такая легкость в нем, в твоем саду.
Лежать, смотреть на яблоки зеленые
И вновь дивиться мудрости ньютоновой...

В саду твоем, Порфирий, я завистник...
Мне мил подросточек — подсолнух твой,
С шершавинкой его широких листьев,
Мил вечный работяга муравей,
Люблю пчелу, хотя ужален ею...

Мне жить бы здесь,
Встречая вечерами
Прилежных коз твоих,
И уток, и гусей,
И наблюдать, когда коза рогами
Открыть калитку норовит быстрей,
А на бревне лежит уставший пес
И люто ненавидит этих коз...

Здесь,
На краю негромкого села,
Я вдоволь надышался клеверами,
Наслушался, как гомонит коса,
Как по снопам набрякшим бьют цепами.

2

Ты видишь, брат,
Я медлю на пороге
И словно бы по тропкам Чигеду [1]
Все в высь далекую бреду, бреду,
И вот что странно: не устали ноги!

Ты не заметил,
Как я в детстве побыл,
Как сбегал к Журавлиному ключу?
Не отставай,
Мы выросли здесь оба,
С тобою в детстве побывать хочу.

Ты сеешь хлеб,
Я тоже сеял прежде,
Крестьяне мы, как вся наша семья,
И тешусь слабою надеждой,
Что ем свой хлеб из своего зерна...

И все ж мы разные с тобой, Порфирий,
На мне печать шумливых городов,
Ты землю всего больше любишь в мире,
А я высотный взлет люблю домов.

Люблю шоссе рабочее гуденье —
Здесь тропка и моя среди дорог.
И жизнь открылась мне, как откровенье,
Когда опять ступил на твой порог.

Расстанемся до будущего лета,
Забей барана, истоми ширттан,
Домашнего дай на дорогу хлеба,
Того, что вырастил когда-то я — Стихван...

Перевела с чувашского Лариса ФЕДОРОВА.

[1] Чигеду — название горы в Чувашии.

ПРАВДА ОПЕРЫ

Ленинградский театр оперы и балета имени С. М. Кирова давно известен как «лаборатория советской оперы». Лицо театра в репертуаре и постановочных принципах определилось смело и ясно: в раскрытии историко-революционной темы коллектив ищет линию, которая может быть выявлена наиболее полно средствами именно оперного жанра.

Сызнова встав сегодня рядом с давно здесь идущими «Тихим Доном» И. Дзержинского, «Октябрем» В. Мурадели, «Оптимистической трагедией» А. Холминова и другими спектаклями той же темы, опера Т. Хренникова «В бурю» опять прозвучала по-новому, свежо и человечно воспевая нравственное становление личности героя, постигающего через революцию простую и мудрую истину ленинизма.

Хренников был первым композитором, доверившим опере образ Владимира Ильича Ленина, самый дорогой для нашего искусства. Встреча крестьян с вождем революции, когда они решают главный вопрос: как жить дальше, где, на чьей стороне правда,— является кульминационной.

— Воплотить в спектакле образ величайшего деятеля и мыслителя эпохи — задача почетная, но и труднейшая. Чувство огромной ответственности испытывают и артисты и все коммунисты театра, для которых работа, подготовленная к XXV съезду партии, стала новой проверкой партийной совести, чувства гражданского долга в искусстве,— говорит постановщик оперы Роман Иринархович Тихомиров.

Борьба человеческих сердец и умов за самый строй жизни — теперешней и будущей, когда нельзя обойти вопрос «С кем ты?», борьба, в которой народ находит свою правду в великой правде партии коммунистов,— вот что выносит и нынче на свою сцену театр имени Кирова.

— Опера «В бурю» не утратила своей первоначальной свежести,— продолжает Р. И. Тихомиров.— Схватка идей, победа большевистской правды делают оперу острой и злободневной.

Это опера, где все — сама жизнь. В ней звучит гражданская щедрость ее создателей, их вера в своих героев.

О. ПРОКОПЕНКО

На снимке: режиссеры Р. Тихомиров и М. Высоцкий на репетиции оперы.
Фото В. Григоровича

З. ХИРЕН
Фото И. ГАВРИЛОВА

Первое впечатление такое, будто мы попали в гигантский универсальный магазин. Ярко освещенные витрины и стенды с одеждой, обувью, тканями, холодильниками, мехами, игрушками, коврами, посудой, хрусталем... Приглушенный, мягкий шум. И тут наше внимание привлекают работающие прядильные машины, ткацкие станки, автоматы, приборы. Теперь похоже, что мы в фабричном цеху. Но стоит ли торопиться с заключениями? Поднявшись на второй этаж павильона, сразу ощущаем домашний уют. Мебель для спален, столовых, детских комнат...

По соседству с всемирно известным павильоном ВДНХ «Космос» открылись три сугубо земные выставки, посвященные техническому прогрессу в легкой промышленности, достижениям и перспективам развития машиностроения для нее, для пищевой промышленности и бытовых приборов, а также лучшим образцам мебели.

Легкая промышленность. Три с половиной миллиона человек трудится на ее предприятиях. На выставке экспонируется всего лишь 2500 образцов изделий, сработанных этими людьми, сработанных с любовью и к своей профессии и к тем, кому предназначены обновы.

Возле прядильной машины мы познакомились с девятнадцатилетней Надеждой Вязковой — прядильщицей Ивановского камвольного комбината имени В. И. Ленина. Девушка действовала быстро, сноровисто, одновременно объясняя окружившим ее юным экскурсантам из Камышинского ПТУ принцип кассетного способа снятия пряжи, впервые примененный в шерстяной промышленности, разработанный у них на комбинате. Юные ее слушательницы тоже готовятся стать прядильщицами, их биографии коротенькие и простые, во многом схожи с ее, Надежды Вязковой, биографией. Шестнадцати лет в сопровождении матери приехала она из родного Дзержинска Горьковской области в Иваново, чтобы поступить в ГПТУ № 22. С отличием окончив учебу, пришла работать на комбинат, где вскоре освоила две профессии: съемщицы и прядильщицы.

На выставке Надя объясняет, как кассетный способ облегчает труд: вместо семнадцати операций одна. Рассказывает и одновременно снимает планками с веретен початки с пряжей.

Узнав, что мы из «Огонька», сказала:

— Надо же, 1975-й начинался у меня с «Огонька» и 1976-й!

И тут выясняется, что с титула второго номера журнала за 1975 год глядела на читателей юная, задорная прядильщица. Такой представил читателям Надежду Викторовну Вязкову наш фотокорреспондент Михаил Савин. Вспомнила же она о снимке вот по какой причине: после его опубликования девушка стала получать письма. Сперва по пятьдесят в месяц, а там и до 800 дошло. К нагрузкам члена фабкома, бюро ВЛКСМ прибавилась новая — спасибо, подруги помогают отвечать на письма.

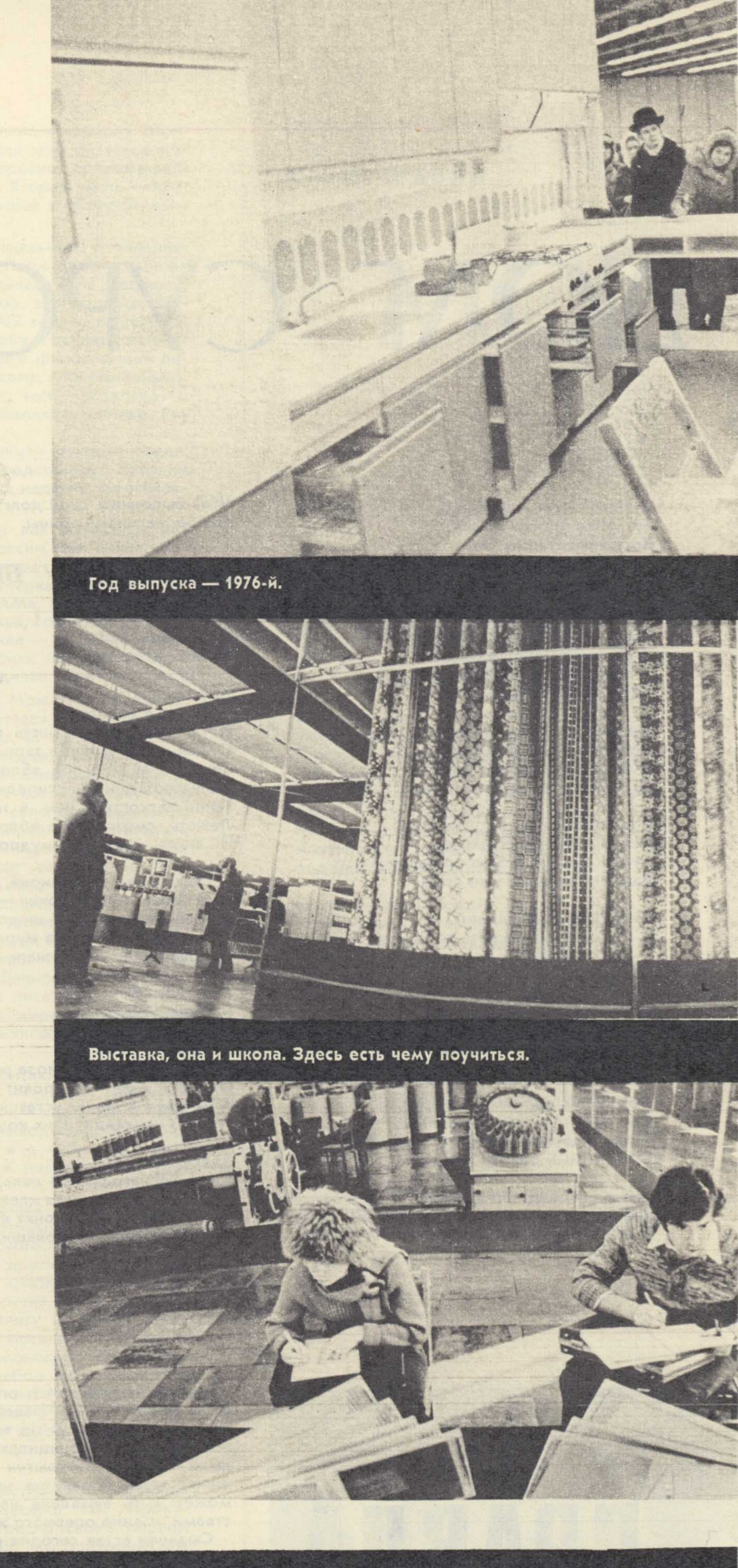
Комбинат изготовляет шерстяные ткани для мужских костюмов.

— Будет здесь много новинок,— улыбается Надежда.— Вот об этом и пишем авторам писем. Приглашаем: приезжайте к нам работать, не пожалеете!

Направляясь на выставку, мы хотели познакомиться не только с экспозициями, но и узнать о тех, кто создает эти прекрасные и нужные вещи, что волнует их. И вот счастливый случай помог. Впрочем, не единственный. И «гиды» выставки, такие, как Надежда Вязкова, и посетители — все большей частью связаны с производством, с решением крупнейших проблем пятилетки качества. И одна из главных особенностей павильона — демонстрация первых результатов комплексной системы управления качеством выпускаемой продукции.

В десятой пятилетке выпуск изделий намечено увеличить на 26—28 процентов. За этими процентами встает демонстрируемая здесь первоклассная техника. Немало советских машин по производительности превзошли подобные же им зарубежные. Многие приняты на вооружение промышленностью других стран, в том числе текстильщиками Болгарии, Румынии, ГДР.

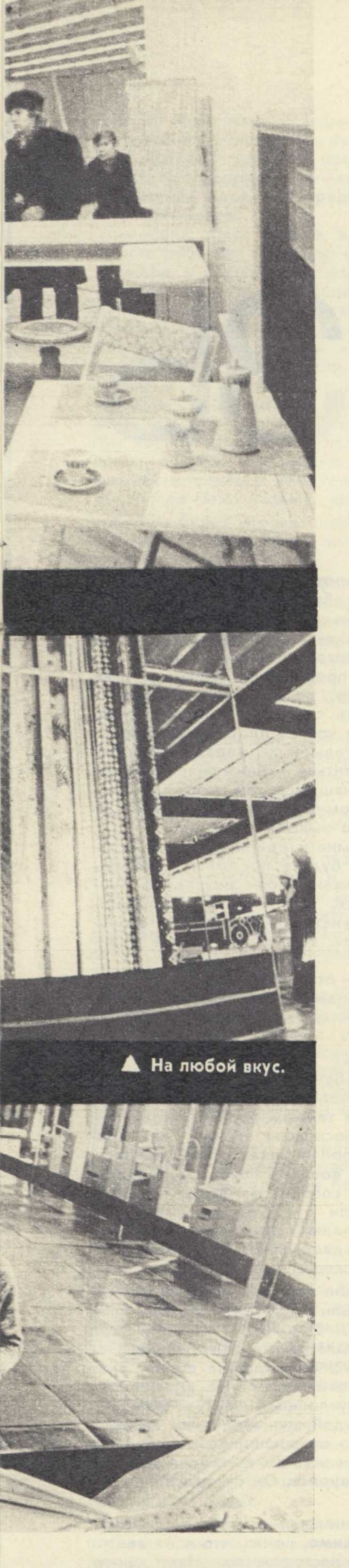
Выставка продлится более трех месяцев. Экспозиции помогают провести семинары, встречи по обмену опытом и обучению специалистов передовым методам. С первых дней потянулись сюда работники крупнейших предприя-

Год выпуска — 1976-й.

Выставка, она и школа. Здесь есть чему поучиться.

ЛЮДИ, ВЕЩИ, М

▲ На любой вкус.

тий страны. Инженер-конструктор Станислав Петрович Лесной с Глуховского хлопчатобумажного комбината имени В. И. Ленина прибыл сюда вместе со всем составом конструкторского бюро. На выставке экспонируется прибор, разработанный ими совместно с ташкентским заводом текстильного машиностроения. Прибор облегчает труд и повышает качество продукции. Мог бы выступить в роли гида и Станислав Петрович. Но на выставку он приехал с товарищами по другой причине. Волнует их проблема комплексной механизации тяжелых и трудоемких работ, глуховцы надеются тут кое-что найти. Их предприятие выпускает ткани для сорочек, легкого платья, плащей, одеял. Конструктор рассказывает, что проблемы качества их коллектив решает в содружестве с учеными и машиностроителями.

Рядом с продукцией глуховцев ткани столичной «Трехгорки». Восьми из них присвоен государственный Знак качества.

Первое место в мире занимают наши отечественные льны. Лен — это одежда, белье, мешки, брезент, парусина. Лен щедро расплачивается за заботу о нем на голубых полях Костромы, Вологды, Пскова...

Глаза разбегаются, когда смотришь на машины для нашего быта: холодильники, пылесосы, кофеварки, кофемолки, стиральные машины. Всеобщее внимание привлекает автоматическая стиральная машина «Кишинев-2» — она разработана молдавскими специалистами в содружестве с конструкторами ГДР.

Демонстрируется серия автоматов, полуавтоматов, ускоряющих обслуживание покупателей и в магазинах и в заводских столовых. Вот линия-чудесница «Поток» — за час 300 обедов.

...Специальная и рабочая одежда. И неподалеку все для отдыха и туризма. Походные палатки, спортивные костюмы. И в этой «перекличке» одна из характерных черт выставки: забота о людях — об их удобствах на работе и отдыхе.

Вещи, увиденные нами на выставке, не просто образцы. Многие можно приобрести уже сегодня, другие планируются к выпуску в ближайшие годы.

Конечно, у легкой промышленности еще свои трудности, справедливы укоры, которые высказывают в ее адрес. Но, внимательно вглядываясь в экспозиции выставки, убеждаешься: немало прилагается усилий к тому, чтобы вещь, сработанная руками мастеров, доставляла радость советским людям.

АШИНЫ

Михаил ВОРОНЕЦКИЙ

Морозный вечер

НА СТРОЙКЕ

Вновь археолог хмурит брови.
В карьере галечника ржа...
А экскаватор замер, вровень
с крутым обрывом ковш
держа.

Здесь мастера большие жили.
Орнамент, видите какой
искусной вырезан рукой
во дни, что скрыты толщей
пыли.

О бесконечные курганы —
зарубцевавшиеся раны
земли, что нам порой случайно
свои приоткрывает тайны!..

И парень твердыми, как
камень,
не признающими невзгод,
большими, сильными руками
находку бережно берет.

Беспечный ветеран Южсиба
глядит, в который раз, опять
на строчки, вырезы, изгибы,
их смысл стараясь разгадать...

ГОРЕЛИ БАКЕНЫ

Сегодня рано ночь одела
деревню тьмою, то и дело
сверкала молния... Потом,
как будто силу набирая,
к Саянам скатывался гром.
И ночь, прохладная, сырая,
тянулась долго. Вдалеке,
на притаившейся реке,
зовя к иным делам, заботам,
горели бакены. И кто-то
всю ночь,
всю ночь, до солнцевсхода
на берегу сидел — не спал...
И шли спокойно пароходы
меж островов,
меж темных
скал...

ЗАБЫТЫЙ СТОГ

Чем пахнет стог слежавшегося
сена?
Не прелью, а ромашкой
полевой.
Медвяником — коровам
по колено —
и пряной богородскою травой.

Чем пахнет стог, в степи
забытый всеми,
уже сгоревший чуть ли не
дотла?
Он пахнет соком,
пробудившим землю,
в предчувствии апрельского
тепла.

Чем пахнет стог дождливою
весною,
над полем приподнявшийся
едва?
Он пахнет сенокосною волною,
что захлестнет в июне острова.

Под вьюгой, заливающей
равнину,
о, как он грустен, стог —
колюч и груб,—
тоскующий по крытому овину
и хрусту мягких лошадиных
губ.

ДЕНЬ РЫБАКА

Метель под утро празднует
победу:
забила снегом проруби у скал.
Рыбак опять сегодня без
обеда:
пешню из рук весь день не
выпускал.

Лишь к сумеркам воды
достиг он снова.
Вмерзая в наледь, синим
серебром
в сетях сверкнул таймень
полупудовый
и замер, оглушенный топором.

Морозный вечер никнет над
рекою.
В лотке грохочет снасть.
И лишь тогда,
сняв варежку дымящейся
рукою,
рыбак сорвал с усов осколки
льда.

ПЕРВЫЙ ВЫСТРЕЛ

Мороз под сумерки окреп.
Дыша в рукав шубенки старой,
идет парнишка через степь
к отцу, в далекую отару.

Вот огоньки плывут левей —
то угасают, то двоятся...
И волосы на голове
под волчьей шапкой шевелятся.
Легла на шапку тяжело
рука, пропахшая овчиной...
Семь дней не ездивший в село,
чабан обрадовался сыну.

Пришел. А я, брат, думал:
зверь.
Здесь час назад брела
как будто
большая стая... Ну, теперь
их жди с минуты на минуту.

— Бери ружье...
Чабан умолк,
скребя сугроб тулупом
старым...
Перед зарей матерый волк
со стоном рухнул у кошары.

И замер выстрел вдалеке.
Чабан с улыбкою спросонья
погладил сына по щеке
шершавой потною ладонью.

А рядом зверь, оскалясь,
стыл,
и багровели шерсти клочья...
Сполна парнишка заплатил
за страх свой, пережитый
ночью.

ВЫХОДИМ НА СВЯЗЬ

П. ПЛЯЧЕНКО,
доцент, полковник запаса

Шел к концу декабрь сорок четвертого. Штаб-квартира представителей Ставки маршалов Тимошенко и Ворожейкина временно находилась тогда в небольшой венгерской деревне Ясапати, что в нескольких десятках километров восточнее Будапешта. Огненный фронтовой вал, прокатившийся еще в начале месяца через эти места, уже вплотную приблизился к венгерской столице.

Около шести часов вечера 26 декабря по ВЧ позвонил маршал Ф. И. Толбухин, а вслед за ним и маршал Р. Я. Малиновский. Командующие фронтами доложили Тимошенко о том, что Будапештская группировка фашистских войск полностью окружена. В огромном кольце оказалось 188 тысяч фашистских солдат и офицеров.

Чтобы избежать бессмысленного кровопролития, советское командование предложило окруженным сдаться. Ультиматум о сдаче должны были вручить две группы советских парламентеров. Одну возглавил капитан Миклош Штейнмец, вторую — капитан Илья Остапенко. Но фашисты решили сражаться и открыли по советским парламентерам огонь. Штейнмец и Остапенко были убиты. Вместе со Штейнмецем погиб сержант Филимоненко и был тяжело ранен лейтенант Кузнецов.

Рано утром 31 декабря Ставка в очередной раз запросила, как ведет себя окруженный гарнизон. Трубку взял маршал авиации Ворожейкин.

— Фашистские войска оказывают ожесточенное сопротивление,— сказал он.— Обстановка в кольце окружения пока что не ясна. Сегодня в Будапешт засылаем несколько разведывательных групп...

В тот же день представители Ставки направили в город и свою специальную разведывательную группу, руководить которой приказали мне. Целый день мы по крупномасштабному плану изучали город с его «подземными улицами», канализационными штольнями, коллекторами. Уточняли линию боевого соприкосновения в намеченном для перехода месте, проверили готовность оружия, средств связи и остального снаряжения.

Едва начало смеркаться, мы прибыли в южную часть города. Здесь наши танки и пехота глубоко вклинились в оборону противника и захватили несколько улиц Пешта с крупными строениями.

Оставив машину с радистом и шофера в условленном месте, я с группой разведчиков, в которую входили сержанты Алексей Яцына, Давид Едиберидзе и Григорий Михайлюк, поднялся на верхний этаж большого дома, уточнил боевую задачу каждому и указал район города, куда мы должны проникнуть.

Местом для наблюдения за набережными города и мостами через Дунай мы выбрали многоэтажные дома в южном секторе Пешта, что находились ориентировочно на Банковской улице.

Затем группа спустилась в подвальное помещение и начала отыскивать подземные переходы в подвалы соседних домов. Вскоре нам удалось проникнуть в длинный коллектор, который не охранялся фашистами, по подземным лабиринтам пересечь линию боевого соприкосновения и выйти по канализационному лазу на одну из больших улиц Пешта. Потом путь был очень трудным. Повсюду были возведены заграждения, охранявшиеся фашистскими патрулями. Продвигались очень осторожно. Стычек с врагом избегали.

На одном из перекрестков неожиданно натknулись на два самоходных орудия. К нашему удивлению, возле самоходок никого не было. Мы незаметно прошли во двор многоэтажного жилого дома, прислушались. Из подвала доносились голоса. В квартирах — полная тишина. По лестнице взобрались на чердак. Я глянул на часы: стрелка приблизилась к 24 часам.

На войне люди иногда забывают, что дни имеют названия, а числа свое значение. Так случилось и на этот раз. Никто из нашей разведгруппы даже не подумал, что буквально через считанные минуты наступит новый, сорок пятый год. Машинально кто-то спросил: «А какое сегодня число?» Мы переглянулись.

— Братцы, да ведь сегодня тридцать первое декабря! Сейчас наступит Новый год! — первым сказал Алексей Яцына.

— А ведь верно! — отозвались все разом.

Потянулись к флягам.

— По такому случаю, товарищ капитан, можно и выпить понемногу.

— Конечно, можно.

Выпили за нашу скорую победу по глотку спирта. Других тостов не произносили.

Пора было приступать к работе.

...Тщательно обследовали наше новое пристанище: чердак, лестничные спуски к парадному и черному входам. Когда спустились на нижний этаж, услышали в соседнем доме голоса и звуки губной гармошки. Фашисты справляли Новый год. Решили «поздравить» их с праздником. Выбравшись на улицу, сержант Михайлюк бросил в окно второго этажа гранату. Раздался взрыв, а вслед за ним истошный крик. Оставшиеся в живых гитлеровцы открыли беспорядочную стрельбу. Мы уже скрылись.

Рано утром первого января с чердака «нашего» дома мы увидели мосты через Дунай и набережные, движение по которым усиливалось час от часу. Военные машины двигались колоннами из Пешта в Буду. Перевалив через мосты, они сразу поворачивали в сторону старой крепости и скрывались за горой в северо-западном направлении. Нетрудно было предположить, что гитлеровцы сосредоточивают там силы для выхода из окружения.

Мы передали первое донесение в штаб, и часа через два появились четыре группы ИЛ-2 в сопровождении истребителей. Затявкали вражеские зенитки. Штурмовики начали бомбить фашистские войска, скопившиеся на восточном берегу Дуная.

Едва успели отбомбиться штурмовики, как прямо через наш НП пронеслись одна за другой девятки пикирующих бомбардировщиков Пе-2.

По рации мы доносили о результатах налетов нашей авиации, наводили самолеты на цели. Летчики метко наносили удар за ударом по скоплению гитлеровских войск и блокировали все мосты через Дунай. Разбитая техника заклинила проезжую часть. Образовались заторы и пробки не только на самых мостах, но и на подступах к ним.

...Третьи сутки работал наш НП. Мы передавали донесения о противнике в нашем секторе, указывали важные объекты для бомбежки. Рацию включали только в экстренных случаях, несколько раз меняли место передачи, чтобы фашисты не запеленговали нас.

Погода стояла промозглая, донимал пронизывающий ветер со снегом, а ночами ударял на редкость сильный для этих мест мороз. Черепичная крыша плохо защищала от стужи. Мы основательно промерзли и устали. И я решился спуститься в ближайшее бомбоубежище к находившимся там людям, чтобы добыть хотя бы немножко кипятку. Риск был большой. Но иного выхода не видел.

— Сержанты Яцына и Едиберидзе, вы останетесь на месте и будете продолжать наблюдение, а мы с Михайлюком разведаем бункер,— распорядился я.— Если не вернемся, наблюдательный пункт покинете только с разрешения «главного». Рацию при уходе уничтожить.

— Задача ясна,— ответил Яцына.

— Товарищ капитан, может, вам одеться в гражданские костюмы? — предложил Едиберидзе.

— А где их взять?

— Сейчас попробую найти.

Едиберидзе, а следом за ним и Михайлюк быстро скрылись в темном проеме чердачной лестницы. Через несколько минут они возвратились с одеждой в руках. Переодевшись, мы с Михайлюком вошли в глубокое подвальное помещение соседнего дома, забитое людьми. Они взяли с собой сюда все, что могли: кровати, диваны, домашнюю утварь и многое другое. Подвал слабо освещался свечами и плошками.

На наше появление никто не обратил внимания. Мы тихо прошли по узкому проходу среди спящих детей и стариков в дальний угол подземелья, где была оборудована кухня. Осмотрелись: фашистских солдат не видно. Значит, можно действовать посмелее. За небольшой тумбочкой круглолицая смуглая девушка и белокурый молодой мужчина пили из кружек чай и о чем-то оживленно разговаривали.

Подойдя к ним, я жестом попросил у молодого человека прикурить. Он отрицательно покачал головой.

— Курить здесь нельзя,— сказал он почему-то по-немецки, видимо, поняв, что я не венгр.

Это меня сразу насторожило. Надо как-то выпутываться.

— Я знаю, что нельзя. Курить буду там, наверху,— отвечаю кое-как по-немецки.

Молодой человек с удивлением посмотрел на меня, очевидно, соображая, кто я такой. Потом быстро заговорил:

— О нет, нет. Там опасно, герман стреляет.

Тьфу ты черт, как же быть? Мысль работает лихорадочно. Молча смотрим друг другу в глаза. Э! Была не была.

— Вы немец? — спрашиваю незнакомца.

— Нет, я чех.

— А ваша девушка?

— Она местная, из Будапешта. А вы кто такой? Как сюда попали?

— С Украины я,— отвечаю.— Немцы вывезли для работы в Германию, застрял здесь в городе. Ведь советские войска окружили Будапешт.

— Я тоже почти в таком положении,— уже на ломаном украинском языке сказал парень.

В разговор вступила девушка. Она быстро что-то проговорила по-мадьярски и жестом пригласила меня сесть рядом на ящик. Начали знакомиться.

— Меня зовут Отакар, а ее Милица. Мы вместе работали недалеко от Будапешта, в Ракошчабе, в военном госпитале. Я техником по медицинскому оборудованию, а она — медицинской сестрой. Раньше, когда война шла на востоке, этот госпиталь располагался на Украине, в районе Умани. Там я немножно научился говорить по-украински. Когда Советская Армия стала наступать, госпиталь постепенно перебрался в Будапешт. Но сейчас в нем никого нет, весь персонал разбежался кто куда. Мы вот очутились в этом бункере. Милица живет в Буде. Как только представится возможность, уйдем к ней. Только что с нами будет, когда Пешт возьмут красные?

— Все будет хорошо, верьте мне.

На лицах моих новых знакомых появилась улыбка.

Проговорил я с ними больше часа. Условились встречаться ежедневно. На прощание попросил у них керосинку и чайник.

На чердаке мы сразу же приготовили горячий ужин: разогрели консервы, вскипятили воду и впервые за последние дни плотно поели. На душе стало веселее. Обсудили план дальнейших действий.

— А что, если нам Отакара и Милицу привлечь для добывания сведений о противнике? — предложил Михайлюк.— Они вроде бы стоящие люди, не выдадут.

— Мысль хорошая,— согласился я,— попробуем...

Ежедневно на заре и поздно вечером мы встречались с Отакаром и Милицей в условленных местах. Я поручал им осматривать улицы и дворы, занятые гитлеровцами в центральных районах венгерской столицы, их сведения немедленно докладывал по радио командованию.

Здорово выручали нас Отакар и Милица. Они помогали во всем: снабжали сигаретами, таблетками от простуды, иногда приносили даже продукты. Мы крепко сдружились. В оперативный штаб представителей Ставки шли и шли наши донесения. Советские самолеты точно наносили удары по окруженным в Будапеште войскам.

Через неделю мы возвратились в свое расположение и доложили маршалу авиации Ворожейкину о выполнении боевой задачи. Он сказал:

— Ваши донесения были очень кстати. Молодцы!

Как стало известно, окруженный в Будапеште враг в период со 2 по 6 января готовился вырваться из железного кольца ударом на северо-запад, но эта попытка была сорвана нашими сухопутными войсками и ударами авиации. В этом деле им помогали многочисленные разведгруппы, засланные нашим командованием в город.

После этого противник еще дважды намеревался вырваться из окружения, но все попытки оказались тщетными. 13 февраля 1945 года над освобожденной столицей Венгрии заполыхало алое знамя.

...Прошли годы и десятилетия. И сегодня, когда вспоминаешь о выполненных боевых заданиях, невольно задумываешься над судьбами своих фронтовых товарищей и тех, кто помогал нам в трудные минуты. А судьбы этих людей разные. Сержант Г. Михайлюк погиб в районе Будапешта при выполнении очередного задания. Там же был тяжело ранен и старший сержант Д. Едиберидзе. Инвалид войны Давид Платонович Едиберидзе, которого я разыскал спустя двадцать лет после окончания войны, сейчас продолжает трудиться в городе Кутаиси. Он вырастил замечательную смену — двух сыновей и дочь. Участника нашей разведгруппы Алексея Иосифовича Яцыну я разыскал в украинском городе Пятихатки, где он многие годы работал на автобазе электриком, а сейчас находится на заслуженном отдыхе. А вот о судьбе чеха Отакара и мадьярки Милицы за эти прошедшие три десятилетия ничего узнать не удалось. Может быть, они прочтут эти строки и отзовутся?

ПОДВИГ ДИПКУРЬЕРОВ

Вл. РУДИМ

Вряд ли найдется сейчас человек, который не знал бы стихотворения В. Маяковского «Товарищу Нетте, пароходу и человеку». Но уже немногие помнят подробности схватки двух советских дипкурьеров с четырьмя налетчиками, имевшими задание захватить дипломатическую почту. Свой бессмертный подвиг Теодор Нетте и Иоган Махмасталь совершили полвека назад.

...Ночь на 5 февраля 1926 года. Поезд идет на запад по территории буржуазной Латвии. В одном из купе мягкого вагона везут дипломатическую почту Теодор Нетте и Иоган Махмасталь. Еще накануне насторожило поведение проводника Бризе. Слишком уж часто под разными предлогами он заглядывал в купе — нетрудно было догадаться, что Бризе за ними следит. К тому же Нетте и Махмасталь заметили, что проводник совсем не умеет стелить постели.

В пять часов утра Нетте, дежуривший почти всю ночь, сдал вахту Махмасталю и залез на верхнюю полку — наступила его очередь отдыхать. Но ему не спалось.

Поезд миновал станцию Икскюль. Иоган вышел в коридор и увидел стремительно приближающегося человека в маске. Заподозрив неладное, он вскочил в купе, схватил револьвер со столика и подал другой Нетте. Махмасталь даже не успел захлопнуть дверь — на пороге появился налетчик.

— Вот они! — крикнул он кому-то и направил на Махмасталя парабеллум.— Руки вверх!

В то же мгновение выстрелил Нетте и свалил нападавшего. Но тот все же ранил Махмасталя в правую руку.

В проем двери втиснулись еще двое. Загремели выстрелы. Нетте упал замертво: не смог опередить врагов, подвела близорукость, он искал очки...

Махмасталь, стрелявший левой рукой, сразил еще одного налетчика, но и сам был ранен в левый бок и в живот.

Перестрелка длилась всего несколько минут и вдруг стихла. Нападавшие исчезли. Превозмогая боль, Иоган разорвал полотенце и кое-как перевязал раны. Выглянув в коридор, он увидел на полу брошенное налетчиками оружие и портфель с патронами. Возле купе проводника валялись двое убитых.

Появились полицейские, которые ехали в вагоне, чтобы охранять иностранцев. Они хотели осмотреть купе, но Махмасталь их не впустил.

Поезд прибыл в Ригу. В вагон вошли работники советского полпредства. Махмасталь никого из них не знал в лицо и почту не отдал. Тогда ему перечислили всех сотрудников полпредства. Среди них оказался Шеншев, с которым Махмасталь был знаком. Его срочно вызвали на вокзал.

Махмасталь вручил Шеншеву залитую кровью диппочту. Товарищи, вошедшие в купе, насчитали сорок пять следов от пуль. Махмасталя отвезли в клинику. Было уже одиннадцать утра, прошло шесть часов после ранения.

Требовалась немедленная операция... Когда Махмасталь начал поправляться, он выписался из клиники и жил в советском полпредстве. Здесь ему вручили орден Красного Знамени, присланный из Москвы. Такой же награды был удостоен посмертно и Теодор Нетте.

Иоган Махмасталь приехал из Риги утром 13 апреля 1926 года после двух тяжелых операций, с пулей в предплечье правой руки. Его тепло встретили работники Наркоминдела, родные.

Товарищи преподнесли ему маузер. На нем были выгравированы слова: «Твой подвиг — пример всем нам!».

Махмасталь получает назначение — заместитель заведующего отделом дипкурьеров. Потом его посылают на работу в советское посольство в Анкаре.

Когда началась Великая Отечественная война, герой-дипкурьер настойчиво просился на фронт. Но решение медицинской комиссии категорическое: совершенно негоден к военной службе.

Он проводил на фронт сына, братьев. От пережитого здоровье еще больше пошатнулось. Пришлось подчиниться указанию об эвакуации и уехать в Челябинскую область. Здесь, в селе Багаряк, в феврале 1942 года Иоган Адамович Махмасталь скончался от паралича сердца.

Но герои не умирают. Имена Теодора Нетте и Иогана Махмасталя носят пионерские отряды, о них написаны книги. Просторы морей и океанов бороздят пароходы «Теодор Нетте» и «Иоган Махмасталь». И всегда будут жить герои-дипкурьеры в наших делах, в памяти поколений.

Иоган Махмасталь.

Теодор Нетте.

За строкой проекта ЦК КПСС к XXV съезду партии

«ОБЕСПЕЧИТЬ КОМПЛЕКСНОЕ РАЗВИТИЕ ВЕРХНЕКАМСКОГО КАЛИЙНОГО БАССЕЙНА...»

Б. СМИРНОВ,

фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА, специальные корреспонденты «Огонька»

Передо мной на столе камень. Если описывать его, придется перечислять довольно много цветов — белый, серый, черный, желтый, голубой. Но больше всего здесь красных слоев и прожилок. Красивый камень, но хрупкий — его легко расколоть, и тогда во все стороны брызнут прозрачные осколки, а на губах осядет горькая, солоноватая пыль. Человек, сведущий в геологии, сразу догадается, что речь идет о сильвините. Эту красную соль хорошо знают и люди, далекие от геологии,— земледельцы.

Помню такой случай. Это было несколько лет назад в подшефном колхозе. Грузовик, к которому меня определили грузчиком, разворачивался возле правления, когда на крыльцо выскочил агроном и засемафорил шоферу зажатой в руке бумагой:

— Савушкин! Возьми накладную и гони на станцию! Надо получить минералку, пока соседи не перехватили! Учти, опоздаешь — зареченскому полю урожая не видать!

Пока Витя Савушкин добросовестно «жал» по проселку, я, рискуя прикусить на ухабах язык, пытался узнать, какую это «минералку» нам придется таскать. Витя снисходительно ухмыльнулся через плечо.

— Эх, город... Минеральные удобрения! На зареченском поле земля бедная, без подкормки там ничего не возьмешь. Как называется точно это удобрение, правда, не скажу, но бригадир, слышал, говорил: соль земли...

Потом мы бросали удобрения лопатами из вагона в кузов грузовика. Красноватая крошка еще больше крошилась под ногами, и вскоре надтреснутые от ветра губы стало горько-горько пощипывать. Сначала я решил, что это от слишком уж рьяной работы, затем догадался: соленый привкус дает пыль красного камня. Теперь-то понятно, что это был сильвинит. Но в то время я не мог и предположить, что в следующий раз солоноватая пыль напомнит мне о подмосковных полях далеко-далеко от них, у границы Урала, да еще в сотнях метров под землей — в калийной шахте.

Березники потонули в пурге. Над головой проглядывало солнце, а у самой земли поднятая шквальным ветром снежная масса плотно закупорила улицы и переулки города. Словно собравшись с силами, пурга за стеной взвыла так яростно, что директор объединения «Уралкалий», прервав себя на полуслове, повернулся к окну.

— Завтра на дорогах опять будут заносы... Сегодня несколько смен приступили к работе с опозданием — люди не смогли вовремя добраться. За двадцать, за тридцать километров приходится ездить на работу, а скоро новые шахты будут заложены еще дальше.

— Дальше? И так два города стоят на месторождении...

— Да, Соликамск и Березники. А калийное месторождение, по уточненным данным, простирается и под этими городами и далеко за их границами. Кстати, шахты прошли прямо под кварталами Березников, город теперь перешагнет через реку и будет в основном застраиваться на противоположном берегу Камы... Нам предстоит еще освоить огромные площади нашего калийного месторождения, равного которому нет в мире. За счет ускоренных темпов освоения новых богатств Верхнекамского месторождения мы будем выполнять большие задачи новой, десятой пятилетки.

— А существующие шахты?

— Их никто со счетов не сбрасывает,— улыбнулся директор,— напротив, все наши рудоуправления постоянно увеличивают выпуск продукции. За девятую пятилетку дали минеральных удобрений в два с половиной раза больше, чем за предыдущую! Приходит новая техника, совершенствуются методы добычи. Ведь сейчас мы извлекаем лишь половину рудных запасов, а то и меньше.

— Выходит, остальная руда остается в земле?

— Да, и взять ее нам пока не позволяют проекты, по которым построены рудники. Мы считаем, что новые рудники, которые должны у нас появиться, надо создавать с учетом более полного использования богатств недр. Ведь освоение Верхнекамского калийного месторождения — задача комплексная. В нашей земле, кроме мощного пласта калийной соли, есть залежи магния, каменного угля, медистого песчаника, гипса, фосфоритов и других полезных ископаемых. На их базе развито производство калийных и азотных удобрений, соды, красителей, сырья для пластмасс, титана, магния. В новой пятилетке возрастет мощность березниковских предприятий, еще красивее станет наш город. А у нас, горняков, главная задача — увеличение выпуска минеральных удобрений.

— Но как, за счет чего увеличится добыча руды? Резервы резервами, но ведь на пятилетку записаны очень значительные цифры...

— Я уже говорил о новой технике: сейчас на рудники поступают высокопроизводительные комбайны и другие современные агрегаты. Теперь одна бригада горняков в пятнадцать — семнадцать человек дает то же, что раньше давал целый участок в семьдесят рабочих. Люди учатся, действуют школы передового опыта, целый ряд бригад выступил с предложением повысить норму выработки на пятнадцать процентов... Планируя производительность труда, мы прежде всего опираемся на рост мастерства горняков. Для многих из них прошедшая пятилетка стала ступенью в жизни, школой опыта. И уж если речь зашла об этом, я вам советую побывать во втором Соликамском калийном рудоуправлении, у начальника рудника Феофилова. За пятилетку он прошел путь от горного мастера до командира производства! Поезжайте, шахта там новая, коллектив интересный...

Встретиться с Феофиловым оказалось не так-то просто. «Сегодня вы меня уже не поймаете, буду в шахте, потом на флотофабрике!» — кричал он мне по телефону, казалось, с другого конца земли. «Вечером? Дома буду не раньше одиннадцати... Давайте завтра, с утра! В семь от дирекции отходит наш рудничный автобус, не опоздайте!»

К утру пурга не унялась. В сумерках улицы Березников были похожи на прорытые в снегу широкие траншеи, а многоэтажные дома-новостройки возвышались над белыми валами, как темные загадочные глыбы. Осторожно, словно на ощупь, расползались от дирекции «Уралкалия» служебные и рейсовые автобусы. В нашем «Икарусе» было тепло и тихо, пассажиры дремали, уткнувшись в воротники тулупов. Последние минуты перед сменой...

Начальник рудника ждал у входа. Высокий, подтянутый, на вид лет тридцати. Представился:

— Феофилов Валерий Григорьевич. Проходите, пожалуйста. — И, почему-то смущаясь, добавил: — Рудоуправление сдано в эксплуатацию несколько месяцев назад, так что прославиться мы еще ничем не успели...

●

Под толщей земли — галереи, мерцающие мириадами соляных кристаллов.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: На Березниковском азотнотуковом заводе имени К. Е. Ворошилова вступил в действие новый комплекс по производству слабой азотной кислоты.

Молодой инженер Александр Колчанов работает заместителем начальника одного из лучших участков рудника — первого березниковского рудоуправления «Уралкалия».

Убранство его кабинета более чем скромное. Стол, тесно сдвинутые стулья, книжный шкаф. За стеклом несколько разноцветных осколков сильвинита. Никакого кабинетного уюта, просто помещение для работы. И хозяин его скорее похож на спортсмена, нежели на администратора.

— Валерий Григорьевич, вы случайно спортом не увлекаетесь?

— Раньше увлекался — легкой атлетикой, плаванием.

— А сейчас?

— Сейчас для меня проблема — выкроить время, чтобы с детьми побыть. Диссертацию забросил... Сам понимаю, что такое положение дел ненормально, и хвастаться тут нечем, но иначе пока не удается. Правда, многие утешают — мол, и на других рудниках начальство днюет и ночует, но у нас так не должно быть,— неожиданно жестко закончил Феофилов.— Мы научимся, конечно, рационально распределять время и организуем работу без суеты, без лишних эмоций. Вот только поставим рудник на ноги...

— Что же мешает?

— Приходится заниматься административной работой больше, чем производством. Вот, смотрите,— начальник рудника развернул на столе план.—Здесь подземные выработки на глубине в двести метров должны пройти под железной дорогой. Нужно иметь специальное разрешение, чтобы работать под путями даже на такой глубине. Разрешения пока получить не удалось, и комбайны вот-вот встанут. Суета? Конечно. А если бы нам запланировали начать выработку вот с этого шахтного поля,— Феофилов передвинул лежащую на плане ладонь в сторону,— проблема железной дороги сейчас не стояла бы... Теперь смотрите сюда. Комбайн шел по пласту и вдруг вместо руды уперся в каменную соль! Все равно, что щепка в ломте хлеба оказалась. По-нашему это называется «соляная линза». Пока определим ее размеры, пока обойдем — пропадает время, снижается выработка. Беда в том, что не было предварительной детальной разведки,— выпрямляется Феофилов.— Только не сочтите, что я жалуюсь. Мы не научились еще заранее распознавать, где на пути будут, так сказать, подводные камни. И многое другое. Опыта, квалификации у нас, что говорить, маловато... Так получилось, что здесь самому старшему тридцать шесть лет. Большинство пришло с институтской скамьи, из техникумов. Я сам по специальности шахтостроитель, пришлось на ходу переучиваться. До назначения сюда несколько лет работал в лаборатории. А тут повезло: недавно главным инженером к нам прислали Риву Яковлевича Аптекова, моего однокурсника. У него опыт работы на рудниках солидный — более десяти лет. Но главное, я встретил в нем единомышленника. Вот и решаем теперь все вопросы вместе...

Поминутно надрывался телефон, то и дело оживал селектор. Входили и выходили люди — и с листками бумаги и с толстыми папками. В углу кабинета несколько человек уже минут десять о чем-то совещались... Валерий Григорьевич с головой ушел в дела.

Пусть с перерывами, но нам удалось в тот день о многом поговорить. Причем уже втроем — в разговор вступил главный инженер рудника Аптеков, и теперь феофиловское «мы» звучало совсем обоснованно. Производственная тематика сменялась бытовой, философские суждения — веселыми историями. Но я чувствовал, что заботы о делах ни на минуту не покидали моих собеседников.

— Нет, ты подумай!— обращался вдруг главный инженер к начальнику рудника.— Если по-нашему перераспределить бригады, то увеличится нагрузка на забой. Это даст... — И оба, забыв про меня, склонялись над расчетами. А через минуту уже спорили о том, стоило ли Феофилову так резко разговаривать вчера с прогульщиком. Решили: все было правильно. И другие вопросы решали быстро, но с обязательным анализом своих же выводов. За всем этим стояла такая убежденность в своей правоте, что верилось — они действительно добьются всего, что задумали. В самом деле, когда еще, как не в тридцать с небольшим, сворачивать горы!

— Вам надо обязательно спуститься в шахту,— говорил мне Феофилов,— таких красивых шахт вы наверняка не видели. Как ковер над головой...

— А воздух какой! — оживился Аптеков.— У меня есть правило: как только начинается простуда, иду прямо в камеру, к работающему комбайну. Через час-другой насморк как рукой снимает! Что в калийных шахтах воздух целебный, это факт, не зря же в Березниках уже оборудуется подземный санаторий для больных астмой. Интересные здесь шахты...

Внизу, как и на поверхности, гулял ветер, только не со снегом, а с мельчайшими крупицами каменной соли. Мы шли по вентиляционному штреку, а навстречу вместе с лентой конвейера тек густой поток сильвинитовой руды.

— Над головой у нас сейчас больше двухсот метров породы,— объяснял Феофилов, — причем около ста метров из них — вода, вернее, пропитанный водой, как губка, грунт. Чтобы не дать воде проникнуть в шахту, приходится оставлять что-то вроде потолка из плотных пород, в частности из сильвинита. Получается, что половина рудного тела, а то и больше останется нетронутой. А внешне красиво! — вздыхает Валерий Григорьевич.

Свет шахтерских лампочек скользит по стенам штрека. Серые, белые, красные полосы разной толщины перепутались в многослойном узоре. И правда, как ковер! А Феофилов ведет меня дальше, сворачивает в боковые проходы, и похожий на тоннель метро ровный овальный штрек здесь превращается в огромную, многоярусную пещеру.

— Это все следы проходки,— рассказывает Феофилов.— Представьте: вот идет пласт руды, в него, как крот, вгрызается комбайн. Пласт вдруг круто уходит вверх — комбайн идет тоже вверх. Но пласт исчез, зубья режут пустую породу. Комбайн делает попытку двинуться вправо, влево — руды нет. Приходится подавать многотонный агрегат назад, направлять его круто вниз — и через десяток метров проходки пласт обнаружен! Оказывается, руда залегает здесь не ровно, а вертикальным зигзагом, складкой. Складчатость вообще характерна для нашей зоны месторождения. Нужен большой опыт, прямо-таки чутье, чтобы угадать форму очередной складки и верно нацелить комбайн. Но горняцкое мастерство, как и всякое другое, приходит с опытом, и когда он накопится, мы не будем оставлять за собой вот таких «пещер».

Мощный рев вдали стих, сменился полной тишиной. «Как под землей!» — пошутил я, но начальник рудника озабоченно прислушивался: «Комбайн что-то встал!» Рев не возобновлялся, и мы пошли куда-то по лабиринту темных галерей. В конце одной из них сквозь каменную пыль светились лампы, выхватывая из темноты часть огромного, на гусеничном ходу агрегата. Рядом стоял запыленный, перепачканный парень.

— Ничего страшного, сейчас пойдут дальше,— поговорив с ним, обернулся ко мне Феофилов.— Это машинист комбайна Николай Тимофеев. Машина новая, бригада ее только-только осваивает.

— Уже освоили! — заверил машинист.— План выполняем. Как только перегрузочные емкости позволят, будем нормы перекрывать.

— А какая норма?

— За смену надо пройти тридцать метров, мы уже проходили по сорок пять.

— Давно работаете?

— Несколько месяцев, после ПТУ. Мой «гроз» — он тоже из профтехучилища, побежал за ключом... Что такое «гроз»? Горный рабочий очистного забоя, в данном случае Владимир Ясько. Здесь все в основном выпускники ПТУ, без специальной подготовки на руднике теперь делать нечего.

— А почему вы уже сейчас не перевыполняете норму?

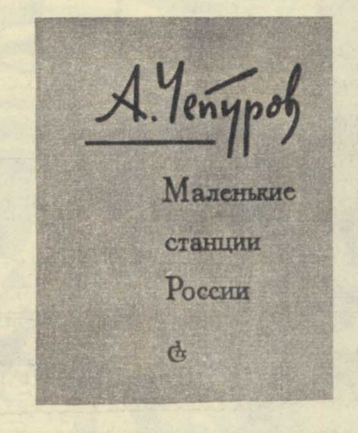
— Не все от нас зависит,— переглянулся Николай с начальником рудника.— Здесь ведь технологическая цепочка: комбайн — перегрузочный бункер — самоходный вагон — система конвейеров — флотофабрика. Сейчас вот флотофабрика не может пока принять избыток руды, там тоже молодежь осваивается. Вот подтянем всю цепочку, тогда будет выработка!

Мы вышли на поверхность уже в сумерки. Морозный закат, догорая, отражался в замерзших окнах рудничных зданий. И я вспомнил, глядя на темные контуры рудника, что есть у горняков такой обычай — зажигать над копром передовой шахты красную звезду.

— У вас, Валерий Григорьевич, такой звезды пока нет?

— Будет. Обязательно будет. Есть силы, есть возможности, и я уверен, что мы добьемся своего. Приезжайте еще — увидите... А чтобы не забыть о нас, возьмите вот на память. — И он протянул мне небольшой осколок сильвинита — камня с красными слоями и прожилками.

На предприятиях Березников вводятся новые мощности. Строительство одной из установок азотно-тукового завода.

ИЩУ В ПРИРОДЕ КРАСОТУ

Одно из своих программных стихотворений Анатолий Чепуров начинает словами: «Давайте поклоняться доброте...» Но эта строка — дань памятному солдатскому труду, и потому поэт настоятельно требует: «Давайте воевать за доброту».

У автора книги «Маленькие станции России» хорошая память. Он не позабыл ни о сверстниках, ушедших на войну, ни о семье коммуниста, в которой рос. Он помнит старших товарищей — учителей, что навсегда оставили след в душе парня из ленинградской десятилетки, а потом фронтовика, еще в шинели пришедшего со стихами в редакцию.

Наиболее выразительна поэзия Чепурова тогда, когда он по-дружески задушевен с читателем и как бы делится с ним сокровенным. Здесь органично в стихи входит пейзаж, переданный с точностью и краткостью. «Июнь, пылающий сиренью» и берега, плечами выгибающие мост, перечеркнутый тропинками склон и «костер иван-чая над чьей-то судьбою», «городские дворы в рябиновых заревах», валуны на заливе — постаменты для чаек и многое другое.

Не случайно обращение А. Чепурова к природе, и поэт прямо говорит об этом:

Ищу в природе красоту,
Как птица ищет высоту
И мед земли — растенья.

Но пейзаж у Чепурова может быть и грозным, порой и зловещим. Вот, например, Нева у Дубровки — уже нынешняя, мирная:

И волны не кровью —
Зарею багрятся,
И чайки седые
Огня не боятся.

Интересны в сборнике три маленькие стихотворные повести, как их определил автор. Лучшей мне представляется «Аисты вернутся», хотя по-своему привлекательны и «Ветер с Невы» и «Домик детства». Но в «Аистах», думается, поэт заговорил в полную силу своего, не схожего ни с кем голоса. В этой поэме, казалось бы, ограниченной и временем и местом действия, как в фокусе объектива, собралея наш сегодняшний мир, с его болью и верой в торжество добра и света.

Включена в сборник и поэтическая трилогия «Шатровское поле». Об этом большом труде писалось уже не раз. Не в рамках короткого отзыва заниматься ее разбором. Скажу лишь, что трилогия достойно завершает книгу.

Арк. МИНЧКОВСКИЙ

Анатолий Чепуров. Маленькие станции России. Л., «Советский писатель», 1975, 191 стр.

Прямо с дерева — на свалку отбросов.

Крестьяне Западной Европы говорят «Нет!».

Фото «Юманите диманш»

ЭХ, ЯБЛО

Юрий ЖУКОВ

Помнится, минувшей осенью нам, группе депутатов Верховного Совета СССР, довелось побывать в крестьянском кооперативе садоводов из французского селения Могио. Кооператив этот был создан еще в 1964 году, и сейчас он объединяет 367 семей, которые в общей сложности владеют тысячью гектаров земли. Негусто, как говорится, но земля здесь благодатная, солнца и воды достаточно, и если потрудиться как следует, то можно снимать большие урожаи фруктов.

Глава кооператива Луи Рукетт, типичный французский крестьянин, плечистый, в блузе с засученными рукавами и в берете, показывал нам хозяйство. Больше всего он гордился ультрасовременным хранилищем фруктов — целый гектар под крышей; двадцать одна холодильная камера, из них восемь — с контролируемой атмосферой: в них только три процента кислорода, пять процентов углекислоты и девяносто два процента азота. Яблоко в такой атмосфере сохраняет полную свежесть без малого год...

Урожай в садах выдался в этом году отменный — ветви яблонь гнулись под тяжестью румяных, золотистых, ослепительно белых плодов. И яблоки одно в одно, сочные, сладкие, с приятной кислинкой, без единой червоточинки, без малейшего пятнышка: сады опрыскивали химикатами каждые 20 дней. Гости — председатель колхоза с Украины Зиненко и директор аграрно-промышленного объединения из Молдавии Палазов — одобрительно кивали головами: добрая работа!

— Хорошо заработаете?— спросил Афанасий Кириллович Палазов. Луи Рукетт почесал в затылке:

— Как вам сказать... Конечно, если б удалось все это продать, доход был бы приличный.

— А разве у вас есть сомнения?

Французский крестьянин помрачнел:

— Вы плохо знакомы с нашей системой. Слыхали, что такое комиссия «Общего рынка»?

— Конечно! Она координирует экономику девяти стран Западной Европы...

— Увы, не только это! Она следит за тем, чтобы предложение товаров на рынке не превышало того уровня, который необходим для сохранения заданного уровня цен. А если мы произведем яблок больше, они начнут дешеветь...

— Ну и отлично! Потребители вам будут благодарны!..

Луи Рукетт поглядел на нас исподлобья и грустно улыбнулся.

— Нет,— сказал он.— Мы должны подчиняться действующим у нас торговым законам. Если окажется, что разрешенный нам потолок урожая превышен, избыток нам придется уничтожить.

— Уничтожить?— Глаза у нашего добрейшего председателя украинского колхоза Ивана Лаврентьевича Зиненко округлились.— Да как же это можно?

— А вот так. Вывезем на свалку и подавим бульдозерами. — И Луи Рукетт снова грустно улыбнулся.

Мы распрощались. Всю дорогу до гостиницы мы ехали среди садов, где полным ходом шла уборка. Кооператоры снимали плоды, и как-то не хотелось верить, что то, о чем рассказал нам Луи Рукетт, может произойти.

Прошло несколько месяцев, и вот, разворачивая газету «Монд» от 4 ноября, я читаю заголовок «Уничтожение 100 000 тонн яблок. Прямо с дерева — на свалку отбросов». И дальше сообщение специального корреспондента газеты из Авиньона — это сравнительно недалеко от тех садов, в которых мы побывали.

«Кошмарно, чудовищно,— повествует он.— Следует ли бояться таких слов? Когда в Кавайоне или в Шаторенаре глядишь на огромные горы гниющих яблок, выброшенных на свалку, у тебя опускаются руки, сколь бы искушенным человеком ты ни был. Вообразите, очередь грузовиков длиною в полтора километра медленно движется вдоль берега реки Дюранс. Грузовики набиты ящиками, полными яблок. У въезда инспектор по борьбе с нарушениями закона проверяет бумаги, которые потом позволят крестьянам получить из сельскохозяйственного фонда ЕЭС по 30—40 сантимов (5—7 копеек на наши деньги) за килограмм уничтоженных фруктов.

Может показаться, что это дурной сон. Перед нами гора яблок выше грузовиков, длиной 200 метров, шириной — 20. Их давит бульдозер... На эту гору посеревших, начавших гнить яблок крестьяне аккуратно высыпают свежие фрукты, совсем недавно снятые в саду. Это отличные яблоки, без всякого изъяна. Прямо с дерева на свалку. Выгрузив фрукты, шоферы ведут свои грузовики в сады... чтобы принять там новый груз...

Эта картина повторяется три раза в неделю. В районе Прованс — Лазурный берег уничтожено уже 60 тысяч тонн яблок. В масштабе всей Франции — более 100 тысяч. В перспективе до весны — 250 тысяч тонн. Это значит, что на помойку будет выброшено с помощью Европейского сообщества полтора миллиарда яблок».

Как выяснил корреспондент «Монд», эти действительно кошмарные и чудовищные операции проводятся уже в четвертый раз: фрукты уничтожались и в 1970, и в 1971, и в 1973 годах. Его предупредили: «Это, конечно, не очень славная операция. Говорите о ней возможно меньше». Но то, что корреспондент увидел, настолько потрясло его, что он, наоборот, постарался узнать побольше деталей. Он выяснил, например, что официально регулируемая из Брюсселя, где находится штаб-квартира «Общего рынка», механика цен такова, что крестьянину неурожайный год выгоднее, чем урожайный.

— «Премия», которую мы получаем за уничтожение фруктов, не покрывает их себестоимости,— объяснил корреспонденту один садовод.— Мне платят 30 сантимов за килограмм яблок, а его выращивание обошлось в 50 сантимов. Стало быть, чистый убыток. Но если сле-

дующий год будет неурожайным, цены на яблоки поднимутся высоко, и я покрою нынешние убытки.

Кстати, как выясняется, даже эта нищенская и, по правде говоря, оскорбительная для труженика «премия» за уничтожение того, что он с такими огромными усилиями создавал, выплачивается далеко не всем. Те крестьяне, которые отказались в свое время вступить в создававшиеся по инициативе властей «объединения производителей», члены которых обязались не превышать установившихся квот на продажу, не получают ни сантима.

— А почему бы не раздавать «лишние» фрукты нуждающимся, беднякам, почему бы не отправить их в больницы больным, в школы детишкам?

Наивный вопрос! Координатор операции по уничтожению фруктов в районе Прованс — Лазурный берег г-н Мужэн только пожал плечами, когда корреспондент «Монд» заикнулся об этом. И ответил вопросом на вопрос:

— А что скажут традиционные поставщики фруктов, которые продают их по существующим ценам?

Немного погодя еженедельник французских коммунистов «Юманите диманш» посвятил этой теме две страницы — на них были опубликованы поистине страшные фотографии — огромные свалки, заваленные горами фруктов и овощей, которые давят бульдозеры. Сопровождающий их текст гласил:

«Эти фотографии были сделаны в конце октября неподалеку от Шаторенар (департамент Буш дю Рон). То был один из многих таких же дней: 43 тонны цветной капусты были вывезены на свалку у берега реки Дюранс; на свалку же были отправлены от 300 до 500 тонн яблок. Старики, семьи не в состоянии купить фрукты и овощи, в которых они нуждаются, поскольку цены очень высоки. А тем временем эти столь необходимые людям продукты уничтожают...»

И журнал французских коммунистов пояснил, что вся эта история показывает, как бесчеловечна капиталистическая система, стыдливо именующая свою экономику «рыночной»: «В расчет принимается лишь закон прибыли», а до потребностей людей монополиям дела нет. И вот ради поддержания высоких цен «Общий рынок» предлагает странам — участницам этой группировки уничтожать продовольствие!

Между прочим, история эта отнюдь не нова. Еще 16 августа 1971 года «Юманите» в передовой статье, озаглавленной «Когда проводится уничтожение фруктов?», писала:

«Если вы живете на юге Франции или же если вы проводите там свой отпуск, вы можете видеть удивительное зрелище — грузовик за грузовиком отвозят свой груз на свалку. И если вы подойдете поближе, то увидите, что там уничтожают вместе с упаковкой фрукты — персики, груши и прочее. И вы, может, поймете, как специально приставленный к свалке служащий бдительно следит за тем, чтобы уничтожению подверглись самые лучшие плоды, которые могли бы быть с успехом проданы...»

Уже в 1970 году были уничтожены на свалках 11 тысяч тонн персиков. В 1971 году урожай выдался исключительный. Что ж, только за один месяц было уничтожено уже 30 000 тонн персиков. И так из года в год!

Факты свидетельствуют о том, что эта практика свойственна отнюдь не только странам «Общего рынка». Вот передо мною лежит бюллетень американского благотворительного фонда Кеттеринга, посвященный итогам изучения острой проблемы продовольствия в современном мире. Таблицы, диаграммы. И вдруг сенсационный, лихой заголовок: «Продовольствие как топливо. Есть его или жечь?»

Оказывается, доктор наук Роберт Уайт всерьез разрабатывает проблему использования зерна в качестве топлива, поскольку, видите ли, цены на нефть растут и может случиться, что будет выгоднее жечь в топках продовольствие, нежели мазут. И это в то время, когда в странах Азии, Африки, Латинской Америки сотни тысяч и миллионы людей умирают с голоду, без куска хлеба!

Вот уж поистине безумный, безумный, безумный мир...

Но вернемся к судьбам французских яблоневых садов. Сообщения об уничтожении десятков и даже сотен тысяч тонн яблок, проникшие в печать, вызвали острую реакцию общественности. Поднялся шум. О трагедии садоводов заговорили в Национальном собрании, где обсуждался бюджет.

И вот несколько дней спустя в той же «Монд» появилась большая разъяснительная статья — уже без эмоций, в спокойном, деловом тоне под заголовком «Как избежать того, чтобы столько фруктов выбрасывалось на помойку?».

Автор статьи пишет, что такие, пусть прискорбные, но, дескать, неизбежные операции являются следствием природной стихии. Что поделаешь, если сады Франции в иные годы дают высокий урожай? Вот и приходится производить «изъятия», чтобы «избежать падения цен», ведь «сельскохозяйственные рынки чрезвычайно чувствительны к вариациям поставок,— поступление товаров на рынок увеличивается или уменьшается на несколько процентов, и сразу же разница в ценах становится поразительной».

Вот видите, как это все «просто». Выходит, что в условиях пресловутой системы «свободного предпринимательства» никак не обойтись без помойки, ежели приключится такое «несчастье» — хороший урожай! Главное — обеспечить высокие барыши крупных торговцев — тех, кто скупает по минимальной цене у крестьян все то, что они производят, а затем перепродает, зарабатывая в несколько раз больше. Именно им, торговцам, выгодна система «изъятия», то есть уничтожения этой продукции, иначе, не дай господь, цены на рынке и впрямь снизятся.

А потребитель?— спросите вы. Что ж, его интересы в этом «обществе потребления», как именует себя сейчас капиталистический строй, в расчет не идут. Пусть он как-нибудь перебьется, ворча на дороговизну. Между прочим, это ему же, потребителю, в конечном счете приходится оплачивать пресловутые «изъятия» — ведь деньги на «премии» за уничтожение «лишних» продуктов берутся из налоговых поступлений...

Мне вспоминаются кадры кинохроники, которую показывали когда-то в годы первой пятилетки. Жили мы в те времена еще трудновато, продукты получали по карточкам, и тем удивительнее нам было видеть на экране, как где-то за рубежом сливают молоко на землю из цистерн, жгут кофе в топках паровозов, обливают мясо керосином, чтобы его нельзя было есть. Там, на Западе, свирепствовал страшный кризис 30-х годов. Буржуазная пропаганда утверждала, что производится слишком много продовольствия, а рынок не в состоянии его поглотить. Но в это же самое время с экрана кинохроники на нас смотрели голодные безработные, у которых не было денег, чтобы купить котлету или кружку молока.

Потом в течение нескольких десятилетий буржуазные ученые твердили, будто то, что произошло в тридцатые годы, никогда больше не повторится, так как капитализм-де стал организованным, руководствуется расчетами электронных вычислительных машин, и кризисов больше не будет. Ну что ж, теперь мы видим, что история повторяется: и уничтожение продуктов, и очереди безработных у окошек биржи труда... Капитализм остается капитализмом со всеми своими врожденными пороками, которые не в состоянии излечить ни «Общий рынок», ни создание многонациональных монополий, ни электронные вычислительные машины.

Эх, яблочко... Как много надо было потратить усилий, чтобы тебя вырастить! И как обидно садоводу бросать тебя на грязную свалку, под гусеницы беспощадного бульдозера. Но что поделаешь, таков образ жизни в обществе, где живет Луи Рукетт...

Так что же, примириться с этим? Нет! — говорят крестьяне Западной Европы. И они все чаще устраивают демонстрации протеста, то перегораживая автомагистрали тракторами и комбайнами, то заваливая дороги продуктами, которые комиссия «Общего рынка» велит им уничтожать.

А в «Юманите диманш» от 2 декабря я прочел любопытное письмо секретаря ячейки Французской компартии из маленького городка в долине Роны. Он рассказывает о том, как один крестьянин из селения Сен-Рамбер-д'Альбон — потомственный садовод в третьем поколении! — долго думал над проклятым вопросом: «Что же с нами станется?» — и придумал. Он нагрузил подводу яблоками, которые полагалось уничтожить, и пристроился с нею к колонне демонстрации протеста, организованной коммунистами.

Он делал вид, что продавал на ходу яблоки демонстрантам,— брал за них по полфранка за килограмм (а даже экземпляр газеты во Франции сейчас стоит полтора франка!). Стало быть, фактически раздавал их даром. Когда его потом спросили, почему он — бережливый, осторожный и расчетливый, как все крестьяне,— так поступал, он ответил:

— Это трудно объяснить... Надо было побыть там, чтобы понять такое!

Да, те крестьяне, что были там, на демонстрации протеста, поняли, что спасение — в единении и борьбе за свое право на осмысленный труд, плоды которого должны идти на пользу людям, а не гибнуть под гусеницами бульдозеров!

Первое в жизни путешествие — на вертолете.

Фото автора

В ВОЗДУХЕ—МАКСИМКА

Телефонный звонок раздался на рассвете. Трубку взял командир вертолетного отряда Юрий Алексеевич Филимонов. Он всегда приходит на работу так рано — с того самого дня, как их только что сформированный отряд прилетел для оказания помощи строителям БАМа...

Звонили с восточного участка стройки. В маленьком временном поселке, всего из нескольких вагончиков, у молодой женщины Надежды Петровой начались роды. В поселке есть фельдшер, роды он примет, но мать и малыша необходимо будет срочно доставить в больницу.

Через несколько минут вертолет взмыл в воздух. Экипаж не знал, кто там, в далеком поселке, уже родился: девочка или мальчик. Но Филимонов, Драпак и Ильячев, ведущие машину, твердо знали другое: здоровье маленького человека и его матери во многом зависит сейчас от их летного мастерства — к поселку ведет пока что только одна дорога, воздушная.

Вертолет приземлился и, не выключая двигателя, ожидал пассажиров. Вот они — все трое: Надежда и Александр Петровы и тщательно укутанный комочек у них на руках — сын Максимка.

...Командир поднял машину и тут вспомнил, что сегодня у него тоже день рождения, но только уже сороковой...

В. КУЗНЕЦОВ,
собкор «Огонька»

ШАГ... ДЛИНОЙ В 13 ТЫСЯЧ ЛЕТ

Бывалые охотники снисходительно посмеивались, когда их молодой товарищ, назовем его Василием, отправился в верховья Индигирки. Все знали, что песца там нет. Каково же было удивление односельчан, когда Василий вернулся из тайги с такой добычей, что все только ахнули! С первым снегом Василий снова отправился на Индигирку. Что ни день, тащит в зимовье песца, а в капканах других охотников пусто. В чем дело? И вот выясняется: охотник клал на приманку мясо... мамонта.

— Откуда ты взял его? — допытывались друзья.— Мамонта тут давно нету, вымер он.

— Правильно, — согласился Василий.— Так разве я о живом говорю?.. Ладно уж, пошли, покажу вам...

На крутом берегу таежной речки Берелях виднелась небольшая яма, из которой торчала огромная волосатая нога. В обхват что твоя лиственница.

— Берите, пользуйтесь, на всех хватит,— щедро предложил Василий.— Песец дуреет от запаха этого мяса и прямо-таки ломится в капканы.

К счастью, охотники не успели скормить всю ногу песцам. Летом сюда приехала геологическая экспедиция. Геологи включили гидропомпу, струя воды отвалила глыбу мерзлой земли — и показалась та самая нога. Тогда начали быстро размывать грунт: надеялись найти всю тушу. Но туши не оказалось. Судя по ноге, а она при высоте в 175 сантиметров и толщине 55 сантиметров весит 130 килограммов, мамонт был крупным. Вот только где он? Растащили хищники? Тогда почему на бедре не видно рваных ран? Ответ на эти вопросы дала следующая экспедиция, предпринявшая большие раскопки. Нашли такое множество костей, что из них можно было бы собрать двести мамонтов. Значит, кладбище? Не похоже. И самое странное: почему на костях следы огня? Все прояснилось, когда в пятидесяти метрах от предполагаемого кладбища обнаружили следы стоянки древнего человека примерно тринадцатитысячелетней давности. Значит, никакое это не кладбище, а, если так можно выразиться, кухонные отбросы. Что касается уцелевшей ноги, то ее, видимо, приберегли на черный день, положив в природный холодильник — вечную мерзлоту. Теперь нога мамонта — таким уникальным экспонатом, пожалуй, не может похвастать ни один музей мира,— хранится в геологическом музее Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР.

Б. СОПЕЛЬНЯК

СУДЬБА СРЕДНЕВЕКОВОЙ БАШНИ

Древние клады, выставленные в старинной башне.

Фото Д. Пранца

Институт истории АН ЭССР организовал в таллинской башне «Кик-ин-де-Кек» выставку «Древние клады Эстонии».

— Самые старинные монеты, обнаруженные в Эстонии,— римские динарии и сестерции,— рассказывает сотрудник института Владимир Соколовский.— Особый интерес представляют четыре медных сестерция времен Марка Аврелия. Их недавно нашли на северном побережье республики в деревне Юминда.

Клады разместились в нижнем зале башни «Кик-ин-де-Кек». В переводе с нижненемецкого ее название означает «Смотри в кухню». Действительно, когда-то с верхних ярусов башни можно было через дымоходы поинтересоваться, что там готовят хозяйки на обед. Высота башни — 49,5 метра — благоприятствовала любопытным. Но характер «Кик-ин-де-Кек» был далеко не всегда таким миролюбивым. Орудийная башня защищала южную сторону Вышгорода. Для этой воительницы 1975 год был юбилейным: ей исполнилось ни много ни мало 500 лет. Боевое крещение она получила в Ливонской войне. Тогда она считалась одной из самых мощных крепостных башен в Прибалтике.

В «Ливонской хронике» священник Святодуховской церкви рассказывает, как днем и ночью палили по башне из крупных и средних орудий. Однако лишь в одном месте удалось сделать большую пробоину. Об этих днях напоминают шесть каменных и три малых железных ядра, вмурованных в стену.

В свое время Таллинский магистрат постарался избавиться от хлопотливого занятия — содержания крепости в порядке. Чего только здесь не устраивали! Архив сменялся складом, склад — снова архивом или квартирами. В начале XX века тут даже тренировались первые в Эстонии любители тяжелой атлетики... В 1958 году в башне открылся филиал Таллинского городского музея. Здесь основательно потрудились реставраторы. Много усилий было приложено, чтобы сохранить элементы средневековой архитектуры и «примирить» их с нуждами современного музея.

В башне побывали сотни тысяч экскурсантов. Здесь часто проводятся всевозможные выставки и театральные представления.

А. ХАРЧЕНКО

ДВОЙНИК

У популярного украинского подземного моря здоровья «Нафтуся» появился двойник в Советском Азербайджане. Несколько лет назад в 150 километрах к северу от Баку, в Дивичах, был открыт аналог этого целебного родника. Его назвали «Калаалты», что означает в переводе «бьющий из-под горы». Вода этого маломинерализованного источника содержит ту же гамму органических веществ, что и «Нафтуся». Суточный дебит родника превышает 15 тысяч литров. А это значит, что целебной воды в избытке хватит всем, кто приедет сюда лечиться.

Своеобразную увертюру к рождению здравницы исполнил базовый санаторий-профилакторий нефтяников. Он-то и положил начало созданию в Дивичах бальнеологического и климатического курорта всесоюзного масштаба. Об этом, кстати, в первую очередь позаботилась и сама природа. Близость к морю, обилие лесов и садов, мягкий климат, живительный воздух, достаточные ресурсы целебной и питьевой воды создают благоприятные предпосылки для появления города здоровья в горах.

Вот и новый шаг. В Азербайджанском отделении «Союзкурортпроекта» выполнен эскизный вариант проекта санаторного комплекса «Калаалты» на 500 мест. Он поднимется на склонах горы Чырахгала, увенчанной древним замком. Удачно вписав здравницу в рельеф, зодчие расположили ее корпуса амфитеатром. Высотный спальный и лечебный корпуса, столовая и кинотеатр, ванное здание и питьевая галерея будут связаны между собой утепленными переходами-галереями. Санаторий оденется в стекло, алюминий, мрамор, гранит.

На снимке вы видите архитектора С. Алиева, автора проекта санатория, у макета дивичинской «Нафтуси».

Г. ПОГОСОВ
Фото автора

Георгий БЕРЕЗКО

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ВЕЧЕР ВОСПОМИНАНИЙ

ШЕСТАЯ ГЛАВА

Анна Тимофеевна комкала в пухлой руке батистовый платочек, трясла головой, и белая башенка ее волос вот-вот, казалось, должна была рухнуть.

— Я, наверно, не все поняла в их разговоре,— призналась она.— А когда они тихо говорили, я вовсе ничего не слышала. Но сами подумайте: жизни для нас не пожалели — для посторонних людей!.. Ни за что не поверила б раньше, что так бывает...

— Насколько я усвоил, Анна Тимофеевна, ревкомовцы отдали вам три пропуска — все, что у них были. И даже не поставили вас в известность о своем великодушии.— Тон Колоколова был сух.

— Я только одной маме рассказала, что слышала... Мама товарищу Снегирю в ноги поклонилась, а он, представьте, удивился. То есть сделал вид, что ничего не знает. Снегирь провожал нас...

— Истинно по-христиански,— сказал Колоколов с принужденной усмешкой.— Я не предвидел такого оборота.

— Нет, нет, это другое!..— нервничая, воскликнул Сведомский.— Это не по-христиански. Это больше...

— Как понимать?.. Что значит больше?

— Больше, больше!..

Сведомский производил впечатление почему-то уязвленного человека; хмель еще бродил в его голове, мысль набегала на мысль, и он не успевал додумывать их.

— Это были удивительные люди, великаны! Но вот вопрос... Не всякий захотел бы, чтоб для него кто-то жертвовал собой. Я убежден, не всякий! Это, знаете, слишком высокая... неоплатная цена. Я, может быть, не согласился бы, чтобы кто-то спасал меня такой ценой.

— «Может быть», не согласились бы? — Колоколов сделал ударение на «может быть»,— для него в этом вопросе не было неясностей, он-то не принял бы подобной жертвы.

— Да, а что?.. Вы не верите мне?

Сведомский не мог усидеть на месте: кружил по комнате, останавливался и вновь куда-то устремлялся, пошел было к роялю, точно желая объясниться с помощью музыки, и повернул назад.

— Почему это не по-христиански, сейчас скажу... По-христиански — это возлюби ближнего своего. Так ведь? Возлюби, как самого себя! И этим спасешься... А значит, возвращение к себе, забота о собственном спасении. Ну, а тут нет себя, мысли о себе нет!.. Или я тоже ничего не понимаю... Аня, спасибо вам! Хорошо все-таки, что мы, наконец, знаем, кому мы обязаны...

Анна Тимофеевна промокала скомканным платочком глаза.

— Если бы вы слышали... Ах, Евгений Александрович, если бы вы слышали, что Поленька про вас говорила! Мне каждое ее словечко в сердце запало: «Женя — это вы, то есть,— когда играет, все чувствует, всех жалеет... И ему ужасно трудно было пробиваться, отец хотел сделать его лавочником, а он такой впечатлительный». Это, Евгений Александрович, про вас. Я, когда стояла там, за дверью, я губы искусала, чтобы не зареветь. Поленька вас слишком обожала...

Сведомский сорвался с места и быстрыми шагами обошел вокруг стола.

— Я же говорил... Говорил, нельзя было, не спрашивая, спасать! — выкрикнул он.— Может быть, я...

Он замотал головой, точно ему сделалось неудобно в своей просторной, легкой рубашке, и стал расстегивать и застегивать перламутровые пуговки на груди.

— Простите, Евгений Александрович, я, наверно, не должна была... Вы так разнервничались.— У Анны Тимофеевны как-то сразу высохли слезы.— А вам надо беречь себя.

— Да, да, мне надо очень беречь себя! — выкрикнул Сведомский.— Закрывать окна от сквозняков, не выходить в сырую погоду. И читать и перечитывать свои афиши... Черт бы меня побрал!

Он опять пустился кружить по комнате и опять как бы споткнулся и встал у стола.

— Я только и знал, что берег себя. Мне говорили: вам нельзя волноваться. И я старался не волноваться... Я даже перестал различать тех, для кого я играл. Я видел в зале только множество белесых пятен в полутьме, множество хлопающих ладоней. Я должен был беречь себя... Для искусства, конечно, для музыки! И доберегся! До того, что нечего стало беречь!

Сведомский, казалось, сам не ожидал такого заключения, он воззрился на Анну Тимофеевну, на Колоколова...

— Вот так история! — пробормотал он.

И вдруг затрясся в смехе, налился сизоватым старческим румянцем, закашлялся, согнулся.

Анна Тимофеевна даже перепугалась.

— Вам нельзя так! Евгений Александрович, прошу вас! И вообще все это дела давно минувших дней.

— Разве минувших? — Сведомский часто, как после бега, дышал.— Какие же это минувшие? Для меня все это довольно злободневно.

Утомившись, он добрался, опираясь о стол, до своего кресла и упал в него.

— Послушайте, Колоколов! Я еще хочу о христианстве,— слабым голосом сказал он.— Простите, ваше имя-отчество?

— Николай Николаевич.

— Ах, да! Еще раз простите... Христианство — это смирение. Помните: блаженны нищие духом... И это сказка о рае. Я нападал тогда на Снегиря... Бездарно нападал за то, что его помышления — только о будущем, о дальнем, о человеке, который придет после нас. Но вот Снегирь спасает нас. И его любовь к ближнему диктует не смирение...— Сведомский длинно, устало вздохнул, могло показаться, он опечалился,— не смирение, нет, а действие. Если нет рая на небесах, то надо хотя бы стать достойными рая на земле. И тогда, может быть, рай наступит... может быть...

— Выходит, я также ошибался, недооценивал,— сказал Колоколов.— Но я решительно не мог предположить.

Сведомский прикрыл глаза рукой, точно свет причинял ему боль.

— Не огорчайтесь. Кто бы мог такое предположить? Бескорыстная любовь нам чаще кажется непонятной. Мы попросту не берем в расчет того, чего нет в нас самих.

— Совершенно справедливо,— сказал Колоколов и после некоторого размышления сухо добавил: — Я особенно в этом убеждаюсь в настоящий момент.

Настало молчание, и Анна Тимофеевна посмотрела на свои часы на золотом браслете.

— Спокойной ночи, Евгений Александрович! Надо, наконец, дать вам покой,— сказала она.— Товарищ Колоколов, я вынуждена, извините, конечно, напомнить, что посторонним у нас разрешается только до одиннадцати часов...

— А мы еще и не поговорили с Евгением Александровичем.— Самый тон Колоколова изменился: о хмельной почтительности, с которой он пришел, ничто уже не напоминало.— Да и Евгений Александрович подтвердит,— нам есть что вспомнить.

— Да, да, мы немножко еще... допьем, вот, коньячок,— послушно отозвался Сведомский.

— Надеюсь на ваше благоразумие.— Анна Тимофеевна поглядывала на обоих.

— Еще раз спасибо, дорогая Аня! Как хорошо, что мы наконец все узнали!

Сведомский через силу встал и, горбясь, проводил Анну Тимофеевну до дверей.

— Не сидите долго, умоляю.— Она задержалась за порогом.— Я прямо болею за вас.

— Все-таки удивляюсь себе,— вернувшись к столу, почти искренне проговорил Сведомский,— как я не спросил, не настоял тогда: откуда эти пропуска?

— А быть может, вам и не хотелось спрашивать, так тоже бывает.— Это выскочило у Колоколова само собой.— Прошу прощения!

— То есть почему не хотелось?..— Сведом-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—5.

ский как бы не понял.— Создалась такая обстановка...

— Я стоял с караулом в вестибюле, когда они, трое, уходили: две женщины и профессор, их беспрепятственно пропустили,— продолжал Колоколов.— Я ждал Полину, ее не было.

— Поленька осталась, да. Но погодите...— неуверенно, через силу начал Сведомский,— Владиславлев дал Снегирю, вы говорите, три пропуска. И Аня говорила о трех.

— Это не подлежит сомнению — только три: для самого Снегиря, для Батюшкова, для Полины,— сказал Колоколов.

— Но как же получилось со мной?

Нельзя было сказать, что Сведомский совсем позабыл, как ему достался тогда его пропуск. Но долгое время потом он глушил в себе это воспоминание, прятался от него в трудах и обольщениях своей жизни, пока оно не перестало беспокоить.

Колоколов молчал и не шевелился, точно опасаясь неосторожным словом или движением спугнуть что-то важное. Как в детской игре «холодно — горячо», его опахнуло сейчас это «горячо» — он был близок к цели, к раскрытию того, что казалось ему преступлением.

— Аня что-то напутала. У вас, товарищ полковник, тоже с памятью — возрастные изменения. Был четвертый пропуск для меня,— сказал Сведомский.

— Четвертый был — так точно! — Колоколов не сводил со Сведомского словно бы зачарованного взгляда.— Но он был не ваш, Евгений Александрович!

— Как же так! Меня же выпустили. Я предъявил часовому пропуск, и меня выпустили! — раздраженно повторил Сведомский.

— А мы легко можем уточнить, чей он был, этот пропуск.— Колоколов словно бы даже любовался Сведомским.— Сейчас, сейчас, Евгений Александрович! Если только мой вестовой Карнаухов еще на своем посту.

— Ваш вестовой? Тот солдатик, что с вами в ту ночь?..

— Тот самый солдатик.

Крупно шагая, Колоколов опять направился к телефонному столику.

— Куда вы собираетесь звонить? — закричал невольно Сведомский.

— Ему и собираюсь — Карнаухову...

— Но ведь это,— Сведомский опомнился,— мистика какая-то, чертовщина!

— Не узнали моего вестового, Евгений Александрович! Ничего удивительного, я и сам дивлюсь теперь, когда его вижу.— Колоколов набрал номер.— Весь в золоте, почище генерала...— Карнаухов, ты?! А ну-ка, явись к нам, товарищ старшина! Одна нога там — другая здесь!

— Тени... опять тени,— бормотнул отрывисто Сведомский.— И вы, Колоколов, распорядитель теней.

— По окончании гражданской войны мы с Карнауховым расстались, а в Отечественную снова встретились — в госпитале. Хороший был солдат, награжден орденом Славы, дослужился до старшины... И это я соблазнил его сюда поехать, в наш город. Тут он и семьей обзавелся, теперь у него четверо детей, погодки...

Колоколов сделался даже болтливым, все что-то рассказывал о Карнаухове, о его семейной жизни, пока тот сам в своем парадном облачении гостиничного швейцара не вошел и не доложил:

— Старшина Карнаухов по вашему вызову, товарищ полковник!

Застыв в стойке «смирно», он лишь поводил любопытно по сторонам маленькими глазками, поблескивавшими на дремуче-заросшем лице.

— Вольно! — скомандовал Колоколов.— Садись, Карнаухов, сюда к нам садись!

Тот деликатно присел на край стула, снял раззолоченную фуражку и легонько с изнанки, от шеи огладил свою распушенную веером бороду.

— Не забыл еще, Карнаухов, как мы тут в «Пальмире» воевали,— сказал Колоколов,— а потом ушли с тобой к большевикам?

— Точно, товарищ полковник! Я на эти зверства беляков смотреть не мог. Ну, ничего, после мы им с процентами...— И швейцар ожидающе повернулся к Сведомскому.

— Посиди пока, Карнаухов! Вопрос к тебе будет позже. Так вот, Евгений Александрович: я готов уже был защищать Полину в открытую, с револьвером в руке — другого не представлялось. Владиславлев, когда узнал, что большевики отвергли его подарок, разъярился, приказал поставить виселицы для Снегиря и всех ревкомовцев. Но мне еще раз поспособствовал случай. Прошу прощения, Евгений Александрович, за эти подробности. Возможно, впрочем, они не лишены интереса и для вас.

Сведомский глубоко вжался в кресло и обхватил растопыренными пальцами закругления подлокотников. Он догадывался уже, к чему вел рассказ Колоколов, и со странным нетерпеливым страданием слушал, страшась того, что неотвратимо близилось, и одновременно торопясь навстречу.

— Четвертый пропуск, Евгений Александрович, я раздобыл за взятку — могу в том признаться.— Теперь Колоколов словно бы нарочно тянул.— Адъютанту Владиславлева приглянулся, видите ли, мой золотой портсигар с художественной миниатюрой на эмали — от деда достался, семейная реликвия. И этот бывший лейб-гвардеец обменял на мой портсигар еще один пропуск, для Полины.

— Для Поли,— словно бы поправил нетерпеливо Сведомский.

— Для Поли,—повторил Колоколов.— Именно для нее. К несчастью, меня тогда же со срочным донесением послали в штаб корпуса, уклониться было невозможно. И я, изволите знать, я поручил своему вестовому... К тому времени Карнаухов сделался связным между мной и товарищем Снегирем, я полностью ему доверял.

Колоколов перевел взгляд на Карнаухова — швейцар кивал с важным и довольным видом.

— Я поручил ему передать тот пропуск — четвертый по счету — лично Полине Короленко. А в случае какого-либо затруднения — председателю ревкома Снегирю в собственные руки. Так или нет, старшина? — громко спросил Колоколов.— Евгений Александрович интересуется.

— Точно, товарищ полковник! — подтвердил Карнаухов, радуясь и почему-то гордясь.— Я товарищу артисту могу пояснить: мы с Николаем Николаевичем были заодно, хотя я назывался нижний чин, а он — господин офицер, ваше благородие.

— И ты выполнил мое поручение, говори, старшина!

— Так точно, выполнил,— сказал Карнаухов.

Колоколову хотелось посмотреть в эту минуту на Сведомского, но деликатно, по неизъяснимому душевному запрету он удержался; глядя на Карнаухова, он потребовал уточнения:

— Кому и как передал пропуск, при каких обстоятельствах?

— Товарищу Полине Короленко в собственные руки,— отрапортовал отчетливо Карнаухов; он наслаждался своим участием в разговоре.— На охране ихнего номера мой земляк стоял, тоже, как я, беляками мобилизованный. Он мне девчину в коридор вытребовал, вроде как на допрос.

И Колоколов очень медленно повернулся к Сведомскому, его неподвижное лицо ничего как будто не выразило, но Сведомский тут же отвел глаза.

— Ну да, да. Так все, видимо, и было... да...— очень быстро согласился он и зажмурился: ему вдруг подумалось, что Колоколов сейчас ударит его.

— Необходима ясность, Евгений Александрович! — сказал Колоколов.— Что именно произошло в дальнейшем?

Не размыкая век, Сведомский промолчал, щеки его вспотели и залоснились; Колоколов, подождав, распорядился:

— Можешь быть свободен, старшина!

Карнаухов кашлянул в кулак.

— Разрешите, товарищ полковник, обратиться к товарищу народному артисту. По личному вопросу,— пояснил он.

Сведомский открыл глаза, но, казалось, ничего не услышал, погруженный в какое-то размышление.

— Так уж тебе приспичило, старшина? — сказал Колоколов.

— Точно, товарищ полковник! Когда еще доведется вот так, запросто с нашей знаменитостью.— Карнаухов, сидя, наклонился своим большим туловищем к Сведомскому; живые глазки его словно подернулись маслянистой пленкой.

— Ну-ну,— с неохотой разрешил Колоколов.

— Окажите такую любезность, товарищ народный артист! Позвольте моего средненького к вам привести, чтоб вы его послушали,— утишив для приятности голос, проговорил Карнаухов.

Сведомский только перевел молча на швейцара затуманенный взгляд.

— Петяша нынче в шестой перешел, отличник по всем предметам. В школе на гармони играет, оркестрик у них там. Ангелина Павловна, классная руководительница, очень довольна — у Петяши редкие способности, говорит. И точно, товарищ народный артист, с гармонью он не расстается. Он и музыку из своей головы играет: мазурку вот сочинил, романс на стихотворение Лермонтова «В глубокой теснине Дарьяла».— Карнаухов подвинулся со стулом к Сведомскому и заговорил громче; ничто не доходило до этой знаменитости, изнеможенно утонувшей в кресле.— Очень буду вам благодарен, товарищ народный артист! По старому знакомству прошу: послушайте моего Петьку. Может, мне его по музыке определить?.. Как скажете, так и будет. Петька — малый дисциплинированный...

Резким движением Сведомский выпрямился и замахал рукой — он словно отталкивал от себя что-то невидимое, отбрасывал...

— Нет, нет, нет! Я не стану, нет! — со странным ожесточением запротестовал он.— Нет!

Это было так неожиданно, что Карнаухов отшатнулся к спинке стула.

— Ангелина Павловна, ихняя классная, говорит: у Петьки способности...— оправдываясь, повторил он.

— Вы ведь любите вашего сына,— выкрикнул Сведомский.— Если любите — пусть займется чем угодно... Пусть физикой, математикой, пусть спортом — да вот, спортом! Замечательная вещь... Но не надо музыки.

И Карнаухов закивал, как бы соглашаясь.

— Музыка — это опасно. Если она всерьез — это вечный плен. Если всерьез, то не музыка для жизни, а жизнь, вся, для музыки. И ты приносишь ей жертвы...

— Позвольте, товарищ артист, я окна прикрою,— после паузы проговорил Карнаухов.

— Что? Окна? — Сведомский испуганно обернулся.— Зачем?

— Свежо стало. Вам нехорошо, может быть.

Белые занавески плясали в распахнутых сине-черных окнах — ветер и впрямь усилился к ночи,— и даже тяжелые портьеры колыхались, наполняясь воздухом, как паруса. Уличный шум улегся уже, и стали слышны протяжные железнодорожные гудки; вокзал был сравнительно недалеко, и бессонные поезда окликали на путях друг друга.

— Чепуха какая! Не надо закрывать,— сказал с неудовольствием Сведомский.

— Зайдешь, старшина, завтра или послезавтра, Евгений Александрович еще поживет у нас,— сказал Колоколов.

И Карнаухов, держа под мышкой свою шикарную фуражку, спиной отступил к двери; заведя назад руку, он нащупал скобу.

— По некультурности побеспокоил,— повинился он.— Желаю творческих успехов.

Двери за ним сомкнулись, и Колоколов вновь повернулся к Сведомскому; он повторил свой вопрос:

— Что же произошло с четвертым пропуском, Евгений Александрович?

Сведомский провел ладонью по лбу, по щекам.

— Поленька! — отчетливо выговорил он.— Ах, господи! Конечно же, она!..

— Что она, Евгений Александрович? — настаивал Колоколов.

Сведомский с таким чувством, словно он бросается в холодную воду, прямо взглянул ему в глаза.

— Вы пришли, чтобы узнать, что в дальнейшем... Вы имеете на это право. Я, впрочем, был уже в ту ночь в таком... в сумеречном состоянии.

— В сумеречном? — переспросил Колоколов.

— Что ж теперь делать? — сказал Сведомский.— Я не все тогда слышал, я засыпал, просыпался. И я уже перестал различать, где сон, где явь...

ОТСТУПЛЕНИЕ В ПРОШЛОЕ. ПОЛИНА, СНЕГИРЬ, СВЕДОМСКИЙ И ДРУГИЕ

Махов спал тихим сном, вытянувшись на ковре у стены со свернутым бушлатом под головой, раскинув в стороны руки. И Батюшков, глядя на это большое тело, на выпуклую, равномерно дышавшую грудь, тесно обтянутую заштопанной тельняшкой, на крупное, костистое, покойное лицо, проговорил с завистью:

— Спит, и заботы ему нет... Я его бужу, а он: «Дай,— говорит,— сон досмотреть».

Они—Батюшков, Коротеев, Камушкин, Полупанов — кучкой сидели у дверей в коридор и ждали команды: сегодня ночью они должны были дать бой. Поодаль в кресле, сняв пенсне, чтобы отдохнули глаза, одиноко бодрствовал Диомидов. Как и все, он испытывал предбоевое томление, и хотя заявил Снегирю, что считает их выступление авантюрой, но решение на бой было принято большинством, и он подчинился. За столом быстро, не отрываясь, что-то писал при свечке Снегирь.

Этого коптящего, в стеариновых потеках огарка могло хватить еще не более чем на полчаса, да и в любую минуту мог появиться связной Карнаухов с последними крайне важными новостями, с оружием и патронами, поэтому приходилось торопиться.

...В голове все было ясно, все додумано — каждое уравнение с его неотразимым внутренним движением. Правда, идея этих уравнений родилась не сегодня, не здесь, а еще в университетскую пору, но именно здесь, в номере «Пальмиры», у Снегиря нашлось время для некоторой их умозрительной шлифовки. Он даже сострил — довольно неудачно, как он и сам почувствовал,— что и от тюрьмы бывает какая-то польза; доброго отклика у товарищей его шутка не вызвала. И только сегодня, буквально за несколько часов до этой ночи боя, он с помощью того же Карнаухова раздобыл бумагу, чтобы записать свои уравнения, обретшие лаконичную законченность. Теперь он очень спешил, покрывая странички ученической, в косую линейку тетрадки длинными цепочками цифр и математических знаков. Свисали надо лбом спутанные витки волос, застя свет, и он машинально левой рукой отводил их.

Напротив него поместилась Поля и, уперев в подбородок оба кулачка, не сводила с пишущего Снегиря взгляда, словно гипнотизировала. Она ждала, когда он прекратит писание.

Шелестели странички, и раздавалось напевное бормотание Камушкина; прислушавшись, можно было разобрать:

— «...Но я боялся вам наскучить — свой ум вы не привыкли мучить — тяжелой думой о конце... И вы едва ли вблизи когда-нибудь видали, как умирают...»

Откинув голову, сцепив на коленях худые руки, Камушкин качался на стуле влево-вправо, как качаются при сильной боли.

— На австро-венгерском тоже, бывало, перед атакой сто дум передумаешь, пока услышишь взводного: «Вперед!» — вполголоса проговорил Коротеев.

И прервавшееся на минуту сомнамбулическое бормотание Камушкина возобновилось:

— «...И вы едва ли вблизи когда-нибудь видали, как умирают. Дай вам бог и не видать, иных тревог — довольно есть...»

— Что ты там, товарищ Камушкин? Молишься, что ли? — спросил Батюшков.— Поздно уже молиться.

— Нет, это Лермонтов... Я вспоминаю. Стихи меня отвлекают,— объяснил Камушкин,— ...то есть они волнуют и вместе с тем отвлекают. Я вам не мешаю?

— Давай, коли они у тебя заместо валерьянки,— почему-то с раздражением сказал Батюшков.

— Не дыши мне в затылок, бухгалтер! — сказал Полупанов.— Отсядь куда подальше.

— О! Виноват! — искренне повинился Камушкин и, стараясь производить как можно меньше шума, ступая на цыпочках, перенес свой стул.

Поля нарочито длинно, шумно вздохнула, чтобы привлечь к себе внимание, но Снегирь даже не повел взглядом. И тогда она с молящим выражением зашептала:

— Товарищ Снегирь! Я вам, наверно, надоела уже. Я вас очень прошу...

Он будто не услышал и продолжал писать.

— Очень, очень прошу,— повторила она громче.

А он стал стремительно листать тетрадку в обратном направлении, к началу; что-то поправил на одной, на другой страничке: словом, этому его совсем несвоевременному занятию не предвиделось конца. Вдруг он закрыл тетрадку и поднял на Полю подсвеченные снизу, яркие, но невидящие глаза.

— Фу ты, черт! — проговорил он и тоже вздохнул.— Записал-таки! — Он был, казалось, изумлен.

— Товарищ Снегирь! — воскликнула Поля.— Я, конечно, вам надоела...

— Ну, вот! — Он прикрыл ладонью тетрадку.— Здесь все, все, все.

— Я вас не знаю как прошу...— взмолилась она.— У меня же есть причины, я сама против мелкобуржуазной жертвенности.

— Успел, однако! Ура! — Снегирь смеялся про себя, губы его вздрагивали.— Не представляю, как к этому на кафедре... Но черт побери! Это есть! Это записано!

Поля обогнула стол и подошла вплотную; только теперь он ее заметил.

— Ты что? С поздравлением ко мне? — веселясь, спросил Снегирь. Он пока еще пребывал в светлом мире своего открытия, где было легко и свободно, а не в этой полутьме «Пальмиры».

— Что тебе, сестричка? Опять двадцать пять?

— Опять,— Поля тоже повеселела.— Вы только послушайте меня. Я же для общей пользы...

— Нет! Решено и подписано — нет! — радостно сказал Снегирь.— Пропуск дан тебе, и ты уйдешь... Тебя проведут через посты.

— Я вам пригожусь, честное слово! — Поля прижала кулачки к груди.— Я и первую помощь могу и как связная... Я для дела пригожусь. А пропуск мы кому-нибудь еще...

— Кому «кому-нибудь»? Ох, сестричка, я вижу тебя насквозь!

— Кому-нибудь...— Она покраснела, не решаясь назвать Сведомского.

— Так вот: никаких «кому-нибудь», уйдешь ты на этот раз. Готовься! Солдат скоро должен прийти. Его фамилия Карнаухов, запомни.

— Товарищ Снегирь! — с укором сказала Поля.

— И не оставайся в городе: это мой приказ,— а мы будем тебя догонять.— Снегирь подмигнул ей.— Наши стоят сейчас за рекой.

Он свернул в трубку свою тетрадку, вложил ее поглубже во внутренний карман тужурки и, одарив Полю неудержимой улыбкой, повернулся к товарищам... Надо было возвращаться к жизни, к ее сиюминутным требованиям, а в его голове звучала музыка. Его математические выкладки имели свою окраску, свою мелодию, которую так же невозможно было рассказать словами, как и музыкальное сочинение. И он все еще слышал эту свою мелодию, отличную от других, слышанных им в науке, хотя и выраженных не в нотных знаках, а в цифрах и формулах; может быть, ее удалось бы выразить и в звуках. Снегирь как бы напевал про себя этот, одному ему внятный мотив.

— Ждем-пождем. Ничего, уже недолго,— веселым голосом сказал он товарищам.— Карнаухов сейчас должен быть — это верный человек. Он принесет патроны и еще один наган. Проводит нашу Полю, а после... А после — мы! Договорились, кажется, обо всем. Наган получаете вы, непобедимая Черная Маска!

Полупанов встал, так уж повелось, что он неизменно вставал, разговаривая со Снегирем.

— Сегодня я буду без маски, в открытую,— сказал он.

— Волжский Богатырь сбрасывает маску! Отлично! — восхитился Снегирь.

Его словно бы несло над землей — так, чтобы можно было все видеть, вбирать в себя, во всем участвовать,— и ритм его жизни необыкновенно убыстрился. На груди, во внутреннем кармане тужурки, лежала его победа — он ощущал ее кожей — впереди, в каком-нибудь часе, в полутора, ждала открытая схватка, бой, другая победа, в которой он почти не сомневался. И некогда было перевести дыхание. Вернувшись к столу, где с потерянным видом осталась стоять Поля, он едва удержался, чтобы не затормошить ее, не закружить.

— А за то, что уходишь первая, сестричка, выкуп с тебя! — сказал он.— Сделай мне такое одолжение...

Достав из кармана тетрадку, он не удержался и вновь перебросил несколько страничек.

— Так, так, все так... Это самое простое,— пробормотал он и опять свернул трубку.— Спасибо Карнаухову — его тетрадка, а то хоть на стене пиши.

И Снегирь протянул тетрадку Поле.

— При первой возможности — удобной, верной! — переправишь ее в Москву.— Усвоила, сестричка?!

— В Кремль? — Поля оживилась.— Это про нас?..

— Про нас, я думаю, в Москве уже известно. Я отправил донесение с профессором. Помнишь его? А это — приватное, так сказать,— Снегирь наклонился к Поле.— Надо передать это одной милой даме в Трубниковском переулке, есть такой в Москве. Адрес здесь, на обложке.

— Даме? — Поля была ревниво удивлена.— Если вы просите, я могу, конечно...

— Очень прошу. И если я, если меня... Ты усваиваешь? Ей будет, не скажу, что будет приятно узнать, что меня нет... Но... Ты усваиваешь?

— Это что — письмо ей? Такое длинное? — спросила Поля.

— Да нет, не письмо. Так сделаешь для меня?

— Хорошо, пожалуйста.

Поля взяла эту тощую тетрадочку, из тех, в которых сама недавно писала под диктовку — с портретом Лермонтова на первой странице синей обложки, с таблицей умножения — на последней — и развернула, но тут же одумалась и закрыла.

— Чтобы не искушать твое любопытство, скажу, что здесь довольно сухая материя — несколько алгебраических уравнений и комментарии к ним,— сказал Снегирь.

— Уравнений, каких? — Поля не поняла.

— Высших степеней. Не пугайся, ты этого еще не учила.

— А она, ваша дама, она учила? — с сомнением спросила Поля.

Снегирь искренне засмеялся.

— Не думаю. Она, видишь ли, актриса, певица.

Поля нахмурилась: поручение не слишком ей понравилось.

— Кто она вам, эта дама? — прямо спросила она.

— О, она моя прекрасная дама! — воскликнул Снегирь.

— И вы на память ей свои уравнения? Ну, вы тоже довольно странный,— сказала Поля.

— Больше, понимаешь, нет у меня ничего такого, что стоило бы. А она сохранит тетрадку, может, и покажет кое-кому,— сказал Снегирь.

— Это такие важные уравнения?

— Может быть, и важные.— Снегирь присел на край стола, уперся ногой в ковер.— Кто знает, кто знает?.. Меня, сестричка, еще в университете занимала одна идея — в развитие алгебры Галуа.— Он обрадовался даже этому малокомпетентному слушателю,— но мне приходилось откладывать... А тут вижу — откладывать некуда...

Он вдруг умолк: «Все почти, как у самого Галуа»,— прошло у него в мыслях,— он был озадачен и задумался на мгновение: «Тот тоже записывал в последние часы. Тоже все откладывал... Как счастливо!» Это нечаянное совпадение показалось тут же Снегирю добрым предзнаменованием вопреки судьбе самого Галуа.

— ...Но мне не на чем было записать — такая глупость! — Он засмеялся.— Когда меня вызвали, я первым делом попросил бумагу.

Снегирь сорвался со стола и пошел к дверям, откуда доносилось усилившееся бормотание:

— «...И беспробудным сном заснуть—с мечтой о близком пробужденьи».

— Так договорились, сестричка! — бросил он на ходу.

Его встретил вопрошающий взгляд Батюшкова. «Когда же?» — было в этом взгляде.

— Никак светает, Сергей Григорьевич,— сказал Батюшков.

— Это луна. Сейчас около двух — не больше двух, во всяком случае,— сказал Снегирь.

В номер и в самом деле заглядывала между штор луна. И в бледно засиявшей крышке рояля зеркально отразился забытый на ней солдатский котелок, и будто в холодное серебро переплавилась золоченая рама «Святой Инесы».

— Карнаухов появится обязательно. Отступать нам уже нельзя. На третьем этаже тоже не спят, ждут,— сказал Снегирь.

— Куда ж нам отступать? — согласился Батюшков.

— «...Теперь прощайте, если вас мой безыскусственный рассказ развеселит...» — пробормотал Камушкин.

Поза Полины выражала полную удрученность; опущенная голова, брошенные на стол бессильно руки с тетрадкой Снегиря. И, оглянувшись, Снегирь зашагал к ней.

— Ты что? Ты что, сестричка?

— Жалко все-таки,— сказала она.

— Чего тебе жалко?

— Вас... Вашу алгебру.

— Мою алгебру? Вот тебе и раз!

— Вам тоже, наверно, хотелось кончить учение,— сказала она.

Он по-новому посмотрел на нее.

— Хотелось, да. Но, видишь ли, Поля! Если бы даже в этой тетрадке было что-нибудь действительно подобное открытию Галуа... Здесь ничего такого нет, я не обольщаюсь. Но если бы даже... Я не смог бы заниматься им больше, чем у меня получалось. Я не имел права.

— Вот вы какой!

Она что-то напряженно соображала — морщинка легла у нее на чистом лбу, меж бровей.

— Чтобы наука расцвела завтра, она должна повременить немного сегодня,— сказал Снегирь.

— До нашей победы. Я так вас понимаю?

— По крайней мере я так решил для себя,— ответил, улыбаясь, он.— Ты умница, сестричка!

Она неожиданно рассердилась:

— Ах, ничего я не умница! Во все вмешиваюсь, всех учу, а сама ничего не умею. И все оттого, что я слишком мало подкована теоретически. Мне что-нибудь скажут, а я не могу оспорить, только волнуюсь, мучаюсь. И никакого положительного результата.

— Догадываюсь, о чем ты.— Снегирь опять улыбался.

— Еще бы не догадаться! Конечно, сейчас не время для этого разговора. Но бывает ужасно обидно. Мне Женя говорит: «Я хочу жить, а не жертвовать собой». И я понимаю — это пошло, это мещанство. Чему вы улыбаетесь?

— Не жертвовать собой это пошло? — переспросил он.

— Конечно, пошло.— Она ни на секунду не усомнилась.— В наше-то время...

— Ну-ну...

— А кроме «пошло» и «мещанство», других слов нету,— пожаловалась она.— Тем более, что Женя — он действительно талант, и ему действительно надо жить. Вам тоже надо жить, товарищ Снегирь! А вы вот меня спасаете, одну...

— Всем надо жить, сестричка Поля! И талантливым и неталантливым, и красивым, и некрасивым, и умным и глупым.

— Дуракам тоже? — Поля не могла слишком долго оставаться серьезной.

— Всем бывает одинаково больно,— сказал Снегирь,— дуракам тоже.

Она задумалась, не зная, что на это ответить, и вновь заговорила о том, что ее больше всего беспокоило.

— Почему вы не берете Женю сейчас с собой?

— Ну, с ним неосторожно было бы даже заводить об этом разговор,— сказал Снегирь.— Ты уверена, что он не выдал бы нас?

— Ой, что вы?!

Но она не стала спорить.

— Перед тем, как уйдешь, ты разбуди его,— сказал Снегирь.— Когда мы с разинцами ударим, он может присоединиться. Так и скажи ему.

— Я разбужу. Только я не знаю,— жалобно сказала Поля.— Я Жене заявила сегодня: «Ты просто трус».— Знаете, что он мне ответил: «Трус так трус, что же мне, умирать?» Я сказала: «Посмотри на Снегиря, на Махова»,— а он мне: «Твой Снегирь — фанатик, а я художник. И Пушкин сказал: «Не для житейского волненья... мы рождены для вдохновенья». И я опять стала его утешать, дуреха! Он, правда, ужасно нервный, какой-то мимозный...

Снегирь искренне удивился:

— Фанатик — я?

— А вы, правда, ничего не боитесь, даже поразительно. Почему вы ничего никогда не боитесь? — спросила Поля.

— А почему ты не боишься?

Теперь подивилась она:

— Разве я не боюсь? Я страшно боюсь. Наверно, я не могу подумать, как это меня не будет. Но когда я вдруг подумаю, я страшно боюсь.

— Нет, я меньше всего фанатик.— Снегирь проговорил это как будто самому себе.— И я не понимаю людей религиозных. Я верю в то, что знаю, в чем убеждают наука, анализ, цифры. Наука убедила меня, Ленин убедил, что наша революция необходима, что она закономерна и, значит, непобедима.

— И поэтому вы ничего не боитесь?

— Чего же нам бояться? Знаешь ли, Поленька, что мы с тобой, в сущности, бессмертны.

— И я тоже? — Она явно была заинтригована.

— Ты тоже, а ты не знала? — Он утишил голос, как бы раскрывая тайну.— Надо только очень проникнуться этой мыслью.

— Проникнуться? И все?

— И все. Бесполезно, видишь ли, искать смысл жизни в одной, отдельно взятой жиз-

В. Родионов. Род. 1929. Н. Родионова. Род. 1930. КРАСНЫЕ СИТЦЫ. Из триптиха ТЕКСТИЛЬНЫЙ ГОРОДОК. 1974.

В. Щебланов. Род. 1927. МОНТЕРЫ ПУТИ. 1974.

ни. Он в общей жизни людей, в общем движении — это совсем просто.

— Ну да...— со вздохом согласилась Поля.— Про движение, про материю я читала.

— Надо очень, до последней клеточки проникнуться этой мыслью. И тогда все начинает выглядеть веселее. Мы — это ведь не только мы, но и те, кто жил до нас. А в тех, кто будет после нас, в тех будем и мы!

— А у меня и детей еще нет.— Поля опечалилась.

— Мы будем не только в детях,— сказал Снегирь.— Конечно, жизнь в будущем — это не совсем то же, что жизнь в настоящем. Тут уж ничего не поделаешь. Но ты вот подумай: Лермонтову было только двадцать семь лет, когда его убили. Математику Галуа и того меньше — двадцать один. А ведь Галуа живет и сегодня, и он будет завтра и послезавтра. Он создал алгебру — представляешь, что это такое! — Снегирь вновь заразительно горячился, от него словно бы исходил какой-то приятный жар.— Алгебра Галуа — во всем, что мы сегодня рассчитываем, открываем. Какой это был прекрасный гений, сестричка!

Поля, как бы подтверждая, кивнула, хотя имя Галуа слышала впервые. Но не подчиниться увлеченности Снегиря было невозможно.

Свечка вдруг разгорелась напоследок, остаток фитилька упал в растопленный стеарин, и высокая стрелка пламени озарила их обоих.

«Славная девочка! Идиот Сведомский должен быть счастлив, а он...» — подумал Снегирь, глядя на это ребячье, округлое лицо, эти полные доверия глаза, полуоткрытые губы. А Поля, глядя на Снегиря, удивленно подумала: «Ведь он красивый!» Никогда раньше это попросту не приходило ей в голову: председатель ревкома Снегирь существовал для нее в той категории людей, к которым можно было подходить только лишь с оценками их ума, мужества и революционной принципиальности. А тут вдруг она открыла, что у него крупно-волнистые, с белокурым отливом волосы, что ресницы пушистые, а веснушки, рябившие на носу и вокруг носа, ничуть его не портят.

Встретившись взглядами, они оба заулыбались, как будто лучше в эту минуту познакомились.

Раскатился близкий — должно быть на площади — выстрел; Снегирь вынул револьвер и пошел к бойцам у дверей. А к Поле на согнутых коленях подбежал Коротеев.

— Извиняй, товарищ комсомол! Адресок не запамятовала, куда писать? — спросил он.

— Вашей дочери? Деревня Барсуки, Дмитровской волости, Демянского уезда, Елене Никифоровне Коротеевой, — скороговоркой ответила она.

— Точно, Ленке! Припиши еще, что отец велел, чтоб не баловала, в ольшаник с парнями чтоб не бегала, не такое время. Чтобы полный курс обучения прошла, за то и кровь свою проливаем. А замуж успеется.

— Я припишу...— И Поля вскрикнула, как от внезапной боли. — Что же мне делать, дядя Никифор?! Что мне с Женькой делать?!

Он не успел ответить: зазвякал ключ в замке, все повернулись к дверям, и на пороге, выскочив из прихожей, возник Карнаухов — торопящийся, распаленный. Вместе с ним в раскрытые двери ворвался чужой нестройный шум: голоса, бряканье, топот...

— Разорались, сволочье!— Карнаухов поспешно притворил двери и, встав перед Снегирем, вытянулся «во фронт».— Товарищ председатель, докладываю: полный хрен получается. Внизу юнкера до двух взводов с пулеметами — пополнение прибыло, угадали в самый момент. Располагаются теперь...

— Споко-ойно, споко-ойно! — протянул Снегирь чуть медленнее, чем следовало бы для того, чтобы выказать собственное спокойствие, но он и не был спокоен — он обуздывал себя.— Отступать нам поздно, товарищ Карнаухов!

— Так точно,— солдат поостыл и усмехнулся,— наш господин прапорщик, связанный, уже в котельной лежит, ключи у меня.

Он принялся, точно фокусник, выдергивать из всех карманов шинели и совать в протянутые к нему руки пачки патронов в промасленной бумаге.

— Получай огневое довольствие! — Отвернув полы, он вытащил из штанов наган.— Получай пушку!

Полупанов взял револьвер, повертел барабан с заполненными ячейками, и угловатое, вечно хмурое лицо Волжского Богатыря прояснилось и подобрело.

— Полный хрен, ребята! — повторил Карнаухов с облегчением и похлопал себя по опустевшим карманам.

— Все остается, как условились,— медленно проговорил Снегирь,— за одним изменением. Товарищ Карнаухов, вы сейчас же поведете нас наверх, к разинцам, и отопрете нам номера. Затем надо будет провести через посты нашу Полю... Пусть юнкера улягутся, и тогда мы выступим. Действуйте, товарищ!

— Есть! — Карнаухов откозырял.

Приоткрыв двери в коридор, он выглянул. В полутемном коридоре было пусто, лишь под единственным свечным фонарем, подвешенным к потолку, одиноко в отдалении прохаживался часовой с винтовкой «на ремне»; шум внизу несколько ослабел. И Карнаухов обернулся к ревкомовцам:

— Выходи, отцы! По одному, руки за спину,— скомандовал он и сбавил голос,— вроде как заключенные.

Батюшков — он стоял ближе других к выходу — оглянулся на Снегиря, тот кивнул. И заложив руки назад, стиснув пальцы и зачем-то выпятив грудь, Батюшков шагнул первый.

— Счастливо вам, Яков Васильевич!— прошептала Поля, она подбежала, чтобы проводить всех.

— Прощай, дочка! — Батюшков рассеянно взглянул на нее.

Следом, легко ступая, шел Махов.

— До скорого, цветочек Поленька! — попрощался он.— А нет — вспоминай черноморского моряка.

— Ой, тише! — шепнула Поля.— Счастливо вам, товарищ Махов!

Третьим прошел Диомидов; одна рука была у него заложена за спину, другой он укреплял на переносице пенсне; карман его френча оттопыривался от револьвера.

— Благодарю, товарищ Короленко! — отозвался он на Полино счастливое напутствие.

Полупанов не услышал или не заметил ее; оглянувшись на Камушкина, он буркнул:

— Не наступай мне на пятки, бухгалтер!

И растроганно, задрожавшим голосом поблагодарил Полю Камушкин:

— Спасибо! Вам также... счастья, счастья!..

— Деревня Барсуки, Дмитровской волости, Ленке — попомни, сделай милость! — спеша, бросил на ходу Коротеев.

— Счастливо, счастливо! — повторяла, как заклинание, Поля, любя сейчас всех их и страшась за каждого.

Последним в этой веренице шел Снегирь.

— До свидания! Выбирайся немедленно из города,— сказал он, и надул щеки, и сдвинул брови — сделал грозное лицо.

— Товарищ Снегирь! Берегите себя! — Она подалась к нему.

— Мы бессмертны, сестричка! — мягко сказал он.

Карнаухов, выпустив всех, закрыл снаружи двери...

Окончание следует.

СЧАСТЛИВОЕ ВРЕМЯ

«Надо сказать, моему поколению повезло. Наши стихи читали А. Твардовский и Н. Асеев, М. Исаковский и С. Маршак. Они давали нам напутствие!.. Лично себя я считаю счастливым потому, что родился и живу именно в это время. Если бы меня спросили: хотел бы ты родиться в другое время? — я ответил бы: нет. Мне дорого мое время, я его сын и без него не мыслю своей судьбы. Лучшую песню свою я отдаю моему времени, моему штормовому веку».

Так пишет о себе Петря Дариенко. Действительно, имя молдавского поэта прочно связано в памяти читателя со стихами, точно отражающими мысль и раздумья современности. В программном стихотворении «Война продолжается» П. Дариенко сказал:

Ты говоришь:
— Закончилась война! —
Нет! Заблуждаться нам с тобой не надо!
Еще кипит и шествует она
Сквозь годы, километры и преграды.
Добро и зло ведут смертельный бой.
Вступает в поединки правда с ложью.

Это высокое душевное беспокойство — та норма нашей жизни, которой верен поэт, которая рождает его стихи. Лирика П. Дариенко, опирающаяся на вечные чувства, на незыблемый арсенал любви, пронизана токами нынешнего дня. Даже пейзажи. Даже зарисовки. Превосходные стихи «Огни» не просто стихи о шторме, когда «в бурю влюбленное море свирепо качает луну», это еще и стихи о человеке, преодолевающем преграды и трудности, живущем на одном дыхании с эпохой. Эта синхронность с днем сегодняшним звучит и в строках стихотворений «Речь полей», «Кодры», «Солнце» и во многих других.

И стихотворения П. Дариенко «Возвращение», «Молнии», «Здравствуй, грядущее!» говорят о верности позиции, о постоянстве симпатий, обо всем том, что никогда не существует в поэзии в отрыве от гражданского облика самого автора:

Мне совсем не по нутру
Середина золотая:
Все барьеры сам беру
И полынь свою глотаю...

Любовь к родной Молдавии, к ее веснам и к ее людям, ее полям и ее садам как частица любви к Родине всегда слышна в стихах П. Дариенко, порой подчеркнуто личных, порой в чем-то явно самоограниченных. «Годы твои растянулись строем за спиной: они похожи на тополя. Не все они одинаковы ростом, не у всех одинаково могучий шелест и отсвет... Но все они твои. Оглянешься, бывает, и радуешься — тополя твои растут, шумят, зовут людей к себе и дарят им песни».

Так же образно можно сказать и о творческом пути Петри Дариенко — поэта ясного видения мира и человека с очень точной гражданской позицией.

Дм. МОЛДАВСКИЙ

Петря Дариенко. Стихотворения и поэма. М., «Художественная литература». «Библиотека советской поэзии», 1974, 224 стр.; Петря Дариенко. Рождение. М., «Молодая гвардия», 1975, 112 стр.

НА «КРЫШЕ МИРА»

В. ВАРЖАПЕТЯН

МУРОД-АЛИ ДУМАЕТ ВСЛУХ

Однажды Мурод-Али приехал в Душанбе и зашел в универмаг. В отделе подарков продавали большие цветные портреты старика, мастерящего скрипку Востока — рубоб. Таджики, русские и иностранцы выстроились в кассу, спеша купить интересный сувенир. И никто не обратил внимания на Мурод-Али. А ведь на портрете был изображен он.

— Мне тогда немножко обидно стало,— признался старый усто.— А потом смешно. Ты ведь знаешь, я из касты «фокир». Нас до революции за людей не считали. Моего дядю Мамад-Вафо на кабульском базаре, как барана, продали. А мы умирали от голода, траву ели. Белую такую, не знаю, как по-русски называется.

Мурод-Али задумался.

— Вот я старый, а до сих пор работаю. Почему? Чтобы люди радовались. Женщина расчешет волосы гребнем, мужчина трубку закурит, ребенок будет спать в колыбели, хафиз возьмет в руки рубоб. Ты думаешь, они не знают, что все это моими руками сделано? Знают. А умру, все на Памире останется. И в Душанбе, в Москве.

Могучая, с окаменевшими мозолями ладонь тяжело легла на деку хрупкого рубоба.

— Какую песню тебе спеть?

— Самую любимую спой.

Пальцы Мурод-Али трогают струны. Мудрые глаза, до самой глубины просвеченные добротой, гаснут, рождается голос. Он чист и глубок, как река. Жена Мурод-Али откладывает недошитое одеяло и с нежностью смотрит на мужа. Осторожно входят родственники. Потом, чуть слышно сказав «салом»,— соседи.

Старик поет, закрыв глаза. Над переносьем гладкая выпуклость лба, рассеченная набухшей веной. Изредка Мурод-Али поднимает поникшую голову, испытующе смотрит на меня, словно хочет сказать: «Ты хоть понимаешь, какие сокровища я тебе дарю? Бери, мне не жалко, лишь бы ты понял истинную цену подарка».

Я не знаю, о чем он поет, но чувствую горечь его слов.

Некоторые дела в этом мире мне кажутся непростительными:
Первое — когда старуха красит сурьмой глаза,
Второе — когда тайны сердца рассказывают другим,
Третье — когда непутевый сын становится мукой для отца,
Четвертое — когда расстаешься с другом,
Пятое — когда красавица лежит в объятиях глупца.

И, наконец, непростительно Хоки, что он нищий, скиталец.

— Хоки был афганцем,— поясняет Мурод-Али.— Имя его на языке фарси означает «прах», «земля». Он уже давно умер. А песня осталась. Я, еще когда молодым был, услышал ее от одного старика. И всю жизнь помню.

ДЕТИ

Детей любят везде. Но вот что интересно: памирец никогда не поднимет руку на ребенка. Так же, как никогда не возьмет чужую вещь, не оскорбит гостя. Все это неписаные законы этики горца. Когда я серьезнее задумался над этим, вспомнил, что так же ласково и серьезно относятся к детям тувинцы, чукчи, эскимосы. У них своя система воспитания, не вошедшая ни в один учебник педагогики, но заслуживающая уважения своей простотой и мудростью. Суть ее сводится к следующим положениям: чем больше в семье детей, тем она счастливее; ребенок — равноправный член семьи. У ребенка есть не только привилегии, но и обязанности, часто весьма нелегкие. Слишком суровы здесь условия жизни, чтобы позволить человеку взрослеть не спеша, в надежде на чужую помощь. Маленький памирец вместе со взрослыми пасет овец, заготавливает хворост, нянчит младших братьев и сестер.

Я сижу на уроке в первом классе школы кишлака Йогид. Учитель Шароб Имонов пишет на черной доске белые цифры. Первоклашки во все глаза смотрят на учителя. Они смешливы и наивны, как все дети земли. Они задают тысячи невероятных вопросов, и могучий Шароб, самый сильный человек в Йогиде, старается ответить на все.

Здесь, на Памире, дети не только слушают учителя — они почитают его.

В былые времена отец, отдавая ребенка в медресе, говорил мулле: «Кости у него мои, мясо твое. Не жалей ударов и научи его мудрости». А вся мудрость, вбитая палкой, состояла в том, что земля держится на ангеле, ангел на скале, скала на быке, а бык на рыбе. А сейчас дети дехкан учат закон Архимеда, теорему Пифагора, бином Ньютона и стихи Омара Хайяма. В прошлом году школу в Йогиде окончили шестнадцать учеников; семь из них поступили в медицинский и педагогический институты, на юридический факультет университета, в медицинское и швейное училища.

Горный Бадахшан, край, где до революции чуть ли не за деньги показывали человека, умеющего писать и читать, сегодня гордится своими учеными, писателями, мастерами искусств.

В Хорогском краеведческом музее мне показали витрину с инструментами, сделанными руками Мурод-Али. Рядом стояло разбитое, дребезжащее пианино. Директор музея рассказал, какими судьбами «Беккер» попал на Памир.

Весной 1918 года по караванной дороге из Оша в Хорог был отправлен необычный груз. Он два месяца путешествовал на подводах, верблюдах, яках. Потом десять носильщиков, подгоняемые солдатами, пронесли пианино через заснеженные заоблачные перевалы. Они задыхались от разреженного воздуха, падали, разбивались, чтобы исполнить каприз дочери царского полковника Фенина, коменданта Хорогской крепости. Но, как поется в песне, «недолго музыка играла». Спустя несколько месяцев полковник и его дочь сбежали в Индию, а пианино осталось в крепости. Здесь же, в крепости, в бывшей солдатской церкви красные пограничники поставили столы и скамейки, которые смастерил Мурод-Али, и открыли первую на «Крыше мира» советскую школу. На свои деньги пограничники купили учебники, тетради и карандаши. Из своего жалованья они даже премию выделили для лучших учеников. Премия называлась Ленинской.

С тех пор прошло полвека. Теперь в каждом кишлаке своя школа. Дети, которые здесь учатся, любят слушать рассказы дедов и песни матерей. Мир, окружающий их, сказочен, суров и прекрасен: опаловое сияние вечных снегов, хрустальные ледяные ручьи, душистый дым фисташковых сучьев, струящийся над родным очагом. И много добрых людей вокруг.

КИШЛАК ПОСРЕДИ НЕБА

Наверное, все жители кишлака Хуф собрались в клубе. На сцене было не меньше людей, чем в зале,— выступать хотели все. Сначала ведущий представлял каждого участника концерта, потом уже никто ничего не объявлял, и гремела музыка — дутор, бубен... На сцену проходили прямо с работы. Плясали чернокосые девочки в разноцветных атласных платьях и шальварах, старики в чалмах и халатах, мужчины в сапогах, телогрейках. У меня в глазах рябило от пестрого, изменчивого разноцветья.

Наконец, Маликмамад Джумабаев, председатель лучшего в Рушанском районе колхоза «Аскари сурх», наклонившись, шепотом сказал, что школьников надо отпустить: у них с самого утра во рту маковой росинки не было. Но раскрасневшиеся девочки ни за что не соглашались уйти, они не хотели есть, они хотели петь и танцевать.

Когда мы вышли из клуба, лужи сковал тонкий ледок. Он звонко хрустел под сапогами, и тогда в черных оконцах воды серебряно сверкали близкие звезды.

Мы идем в гости к пастуху Мамади Бандишоеву. Там уже готов крепкий зеленый чай и на скатерти рассыпаны пригоршни грецких орехов, сахара, печенья, ядрышки абрикоса, ягоды тута.

И тут как бы открылось второе отделение концерта. Начал учитель Шобек Навбохоров. Он поет, закрыв глаза, пот заливает его смуглое лицо. Ритм мелодии строгий, четкий. Интонация голоса до малейших оттенков определена древними хафизами и сохранена в первозданном звучании. После Шобека поет бухгалтер Гулоз Шосинов. Председатель колхоза переводит слова, написанные Гуломджоном — первым памирским поэтом, приветствовавшим Советскую власть.

А вот уже в песенном единоборстве схватились два шофера, два прекрасных знатока бадахшанского фольклора — Лянгар Йокубов и Амир Давлатмиров. Я наслаждаюсь мелодиями, набегающими одна на другую, как волны. И вдруг знакомые слова щекочут слух — Умар Хойюм. Омар Хайям! Прекрасный поэт, великий звездочет и геометр, веселый философ, умевший радоваться жизни, как ребенок. В этом доме он был бы желанным гостем. И, честное слово, люди, собравшиеся здесь, пришлись бы ему по душе.

— Хайям, Хосров, Хафиз... Они были, как горы,— говорит мне Лянгар Йокубов,— а остальные — как снег, падавший на их вершины. Кто знает по имени каждую снежинку?

Да, бадахшанцы прекрасно знают не только поэзию, но и судьбы поэтов и сокровенный смысл стихов, доступный не каждому, умеющему читать.

Давно миновала полночь, но в комнате весело горит лампа; кто-то еще загодя сбегал к дизелисту и попросил не отключать свет, ведь в кишлаке гость.

Свет... Бухгалтер Гулоз рассказывает мне, как в 1955 году хуфцы на своих плечах принесли разобранный дизель. В 1961 году в кишлак пришло радио, в 1965-м — телефон, в 1968-м — первый трактор.

Я ехал в Хуф на тракторе, а мне казалось, что я шел по канату. Лучший тракторист района, член обкома комсомола Сахи Гулаёзов вел ревущую машину по кромке стометрового обрыва, осыпавшегося под гусеницами. Он каждый день возит в Хуф продовольствие, фураж, стройматериалы, запчасти. Для Сахи это обычная работа. Обычная на Памире, где необычно все.

Не мудрено удивиться цветущему льну, если видишь его впервые. А вот скольких людей удивили сами жители заоблачного кишлака! Шерстяные чулки — джурабы, которые вяжут местные рукодельницы, поражают красотой и яркостью узоров. Исстари хуфцы славились как отменные умельцы, непобедимые игроки в конное поло, замечательные певцы и плясуны. А кроме всех перечисленных достоинств, известны они своей добротой и радушием. Наверное, потому и родилась на Памире пословица: «Встретить хуфца — удача».

ДВА ЧАБАНА

Не знаю, как насчет мустангов, но оседлать полудикого яка (на Памире их называют кутасами) — задача не каждому смельчаку по силам.

— Сек! Сек! Сек! — подманивает быка Назар Бахталиев, но як равнодушно щиплет жесткие пучки терескена, спрятанные между камнями. Чабан по-кошачьи мягко подкрадывается к мохнатому яку и, когда тот тревожно вскидывает морду, крепко хватает за огромные, неохватные рога. Я не знаю, чем помочь Назару, бестолково топчусь то с одного бока, то с другого. Обветренное лицо чабана наливается натужной синевой, пальцы, стиснувшие рога, белеют, но животное, играя, отшвыривает его и с победным хрюканьем убегает. Мы бежим за ним, проваливаясь по колено в рыхлый снег. А высота четыре тысячи метров с лишним, и бегать здесь все равно, что разговаривать под водой. Наконец Назар усмиряет быка, продевает в черные дымящиеся ноздри ремень, подает мне. Я хватаюсь за жесткую волосатую холку и вспрыгиваю на костлявую спину. Назар садится на второго яка, и наша «кавалькада» трогается в путь.

Назару Бахталиеву сорок лет, двадцать семь из них он работает чабаном в колхозе «Путь к коммунизму», Ишкашимского района. Опыт перенимал у чабана Мастаали Джалолова. Первого ячонка Назар принял совсем еще мальчишкой.

Бахталиев награжден орденом Ленина, медалями, в том числе «За отличие в охране государственной границы СССР». Граница здесь в двух шагах.

У изгороди загона мы спешиваемся и идем к дому. На склоне, заслонив детеныша, стоит огромная ячиха.

— Хочешь посмотреть новорожденного? Только вчера на свет появился.

Конечно, хочу. Увидев меня, мать грозно нацеливает рога и яростно фыркает. Но вот подходит Назар, и она, успокоившись, милостиво позволяет полюбоваться на свое чадо. А чадо маленькое, с черной шерсткой, на тонких ножках. Ячихе он кажется, наверное, красавцем; она нежно облизывает его большим розовым языком.

Когда мы входим в дом, помощник Назара Миросан Кургалиев расстилает на кошме клеенку, ставит пиалу с густой душистой ячьей сметаной, чайник, пшеничный хлеб, который предки бадахшанцев называли украшением вселенной.

— Работа наша тяжелая,— продолжает Назар.— Яки, они, конечно, сильные, выносливые. А вот выпадет снег, как сейчас, и вся отара может с голоду подохнуть. Встанут и будут в сугробы мордой тыкаться. Это ведь не лошадь, не олень — траву из-под снега копытами не выбьет. Сами добываем для них корм. Жена ругает: дома месяцами не бываю. А когда кутас умрет, колхозники ругают. Тоже правильно.

Назар подбросил в печку дров.

— А где же он спал? — спросил я.

— Кто? Афганец? Вот здесь, у печки.

Железные бока печки раскалились, в ней гудит пламя. Тепло, уютно. И в сто раз теплее и уютнее казалось здесь человеку с той сопредельной стороны, когда его, полумертвого, подобрали наши чабаны.

Это было за день до моего приезда в Кок-Так. Жители афганского кишлака послали старого чабана в соседнее селение за продуктами, потому что к ним пришел голод. Наскребли ему на дорогу три пиалы муки. В середине пути его настигла пурга. Пришлось спешиться, вести коня в поводу. Но куда идти, если кругом снежная хлещущая круговерть? Старик намотал повод на кулак и лег в снег. Может, он уснул, может, потерял сознание, но когда очнулся, увидел, что лошадь зубами развязала торбу и съела всю муку. Он привязал ее к кусту и пополз дальше. Он не знал, что ползет по льду реки, нарушая государственную границу. Когда чабаны нашли его, у него были обморожены руки. Его принесли в дом, растерли руки, накормили вареным мясом, напоили горячим, сладким чаем.

Он тоже был чабан, только яки, которых он пас, принадлежали баю. Он говорил на их языке. Он был памирцем, только с другого Памира, отделенного от советского не только замерзшей рекой, но целой исторической эпохой.

— Свет...— удивленно говорил афганец, показывая на лампу.— Книга... Радио...

Он не мог поверить, что продукты чабанам привозит автолавка, что, если Назар и Миросан заболеют, их будут лечить бесплатно, что Назар, такой же чабан, как и он, награжден высшим орденом Советского государства.

Спустя несколько дней я возвращался в Хорог. Дорога крутыми петлями сбегала вниз, в долину, и в открытое окно «УАЗа» бил теплый ветер.

Машина въехала в Хорог, промчалась по узкой улице, очерченной высокими тополями, и лихо подрулила к зданию обкома.

Первый секретарь Горно-Бадахшанского обкома партии Хушкадам Давляткадамович Давляткадамов расспросил, как я себя чувствую, трудной ли была дорога, что я видел, где был. Узнав, что я вернулся из Ишкашимского района, оживился.

— У чабанов были?

— Конечно.

— А с Бахталиевым разговаривали?

— Мы с ним верхом на яках ездили.

— Значит, познакомились? Его недавно орденом наградили. Вот, читайте. Указ Президиума Верховного Совета СССР.

Веду пальцем по колонке фамилий. Точно: наградить старшего чабана колхоза «Путь к коммунизму», Ишкашимского района, Бахталиева Назара Бахталиевича орденом Октябрьской Революции.

КАМНИ...

В Токио есть «Сад камней» — песчаная площадка с двумя десятками разновеликих камней. Ежедневно сюда приходят люди, молча смотрят на камни, очерченные расходящимися кругами, и думают — каждый о своем.

Памир — это океан камней. И человека, вознесенного исполинской окаменевшей волной над миром, невольно тянет к раздумьям. Горы Памира, может быть, единственное место, откуда можно видеть не только пространство, но и время. Столетия здесь можно подбирать, как куски мрамора или гранита.

Вот по каменистому полю идет за волами пахарь. Не потому, что в колхозах не хватает тракторов: могучим машинам не повернуться на таком клочке, отвоеванном у камней. Так здесь возделывали землю и сто и тысячу лет назад. Но тысячи и сто лет назад над пахарем не летел самолет, не гудели электрические провода, над кишлачным Советом не развевался красный флаг, и дети пахаря мечтали о куске лепешки, а не о том, чтобы стать инженерами и врачами.

Отнимите от сегодняшнего дня шестьдесят лет и попробуйте представить беспросветную бадахшанскую действительность. Ни одной больницы, библиотеки, театра, машины, лампочки, газеты. Всех грамотных людей можно было усадить на полу кибитки. Кулмахмад Абдулхусейнов рассказывал: «Мой дед Бунарс — он был единственным грамотным человеком в нашем кишлаке Равмед — отдал быка и корову за томик Хафиза. Книга эта считалась в доме величайшей драгоценностью». А сейчас в Горно-Бадахшанской автономной области 205 библиотек, насчитывающих 1 118 420 томов. В области на каждую тысячу человек — 525 со средним и высшим образованием.

Когда я уезжал с Памира, в долинах было жарко, все цвело. Я попросил шофера остановить машину, подошел к цветущему дереву и сорвал на память три душистых цветка. Пора цветения...

Г. Менглет и В. Байков в спектакле «Пена». Фото М. Строкова

ДЕЙСТВИЕ ПРОИСХОДИТ В НАШИ ДНИ...

Спектакль еще не начался, а мы, кажется, знаем почти все о действующих лицах. «Махонин — предприимчивый человек, Солома — головастый мужик» и так далее. Это написано в программке спектакля «Пена» С. Михалкова, поставленного В. Плученком на сцене Московского театра сатиры. Это объявит и один из актеров в начале спектакля.

Но вот мы смотрим «Пену». И понимаем, что Сергей Михалков предложил нам не подлинные характеристики героев, а те, которые они, по существу, дают сами себе и друг другу... Нам, зрителям, предстоит как бы «процедить» поток порой многозначительных, порой претенциозных, пустых словес, которыми обмениваются Махонин и К°, чтобы обнаружить за ними истинные лица героев пьесы. Иными словами, чтобы проникнуть в хищнический, стяжательский мир мещанина.

Казалось бы, какой приятный человек Пал Палыч Махонин. Его благообразная, солидная внешность, веская, тягучая манера вести разговор могут внушить доверие, расположить к себе. Семьянин, хозяин, умница и вообще человек с положением — таков он для окружающих да и для самого себя тоже. Он силен изворотливой, чуть ли не философской убежденностью в правильности и праведности всех своих дел и поступков. Любые из них — и даже самые недостойные — он способен оправдать с легкостью, и не только в чужих, но, что страшнее, в своих глазах, наедине с самим собою.

Махонин в превосходном исполнении народного артиста СССР Г. Менглета улыбчив и хитер, благодушен и жесток, добр и беспощаден. Целеустремлен.

Вот эта жесткая его целеустремленность, уверенность в правоте и собирают вокруг него таких человеко-пресмыкающихся, как Полудушкин (Р. Ткачук) или Кочевряжнев (В. Байков)... Они вроде бы и хотят жить «хорошо», то есть явно не по средствам, но нет-нет да совесть начинает мучить, страх, неуверенность. А возле Махонина они спокойны: мол, что мы?!. Какие там у нас дела! Делишки... А вот у Пал Палыча...

В самом деле, Пал Палыч Махонин — человек весьма предприимчивый. Обнаружив корпорацию интеллектуальных мошенников, пишущих кандидатские и докторские диссертации за мошенников других, менее способных, но более денежных, Махонин не преминул воспользоваться ее услугами. И вот уже готова докторская.

Позвольте, а что же дальше? — недоуменно встрепенемся мы, зрители. Ну, разобрались мы во всех героях, посмеялись вдоволь над ними... Но ведь уже близок конец спектакля, а на сцене торжественно отмечается день защиты диссертации Пал Палычем. Судя по программке, другие герои не появятся... Так будет ли наказано зло?

И тут мы видим, что этот на первый взгляд благополучный, безмятежный мирок, с таким тщанием и долготерпением много лет выстраиваемый Пал Палычем, готов рухнуть, разлететься, словно карточный домик. И все из-за какой-то случайности.

Молодой зять Махонина, журналист («Прос — простодушный человек»), действительно с неким простодушием делится своей радостью: завтра должна появиться его статья о жуликах, стряпающих диссертации, с указанием их фамилий и прочих фактов... И хотя само опубликование статьи (как выяснится чуть позже) еще под вопросом, Махонин и его «коллеги» уже в панике. Перед нами больше нет прежнего, улыбчивого и снисходительного Пал Палыча.

Таким и запомнится он нам, сидящим в зале. Растерянный, жалкий, но в то же время истеричный, ненавидящий человек, мечущийся по своей роскошно обставленной квартире. Судорожно цепляющийся за вещи, нажитые путем уловок, мошенничества и прочих сделок с собственной совестью...

Н. АЛЕКСЕЕВА

ЛЫЖНЯ

Автор этой статьи своего рода рекордсмен, хотя в лыжном спорте рекорды не регистрируются: уж слишком различны условия, при которых проходят гонки. Дмитрий Васильев — двенадцатикратный чемпион СССР на различных дистанциях. Много лет его можно было видеть на лыжне, а когда он закончил выступления, то стал воспитателем известных армейских гонщиков. Мы попросили Д. Васильева поделиться с нами своими мыслями перед стартами в Инсбруке.

Дмитрий ВАСИЛЬЕВ,
заслуженный мастер спорта

Фото А. БОЧИНИНА

Когда я испытываю желание тряхнуть стариной и приезжаю посмотреть лыжные гонки, то всегда задаю себе один и тот же вопрос: неужели это тот самый спорт, которым я когда-то увлекался? Как же он изменился за последние годы! Другим стал не только лыжный инвентарь, другим стал и тип гонщика, и вместо невысоких, стайерской стати спортсменов все чаще появляются на лыжне рослые атлеты типа финского гонщика Юха Мието, рост которого достигает двух метров, а вес — ста килограммов.

Правда, Мието пока крайность, но «младших братьев» у него немало. Вот данные о нашей нынешней лыжной когорте: Сергей Савельев — семьдесят килограммов, Юрий Скобов — столько же, Анатолий Бирюков — семьдесят восемь килограммов, Владимир Долганов — столько же. А самый молодой среди них — Евгений Беляев — тянет под все восемьдесят.

Многие могут спросить: при чем же здесь вес гонщика? Это же лыжи, а не тяжелая атлетика! Но тут надо вспомнить, что у лыжников 15 километров считаются дистанцией спринтерской, а 30 километров расцениваются как дистанция средняя. При таких расстояниях каждый лишний грамм многое может решить. И вот что интересно: гонщики неустанно пытаются облегчать вес лыж, палок, обуви, одежды, — взвешивают каждый лишний винтик, а собственный их вес растет. И эта тенденция наблюдается не только у нас. Вот и у знаменитых норвежских гонщиков почти не встретишь теперь спортсменов легче семидесяти килограммов. Один из лидеров команды ГДР, Герд-Дитмар Клаузе, весит, как и наш Беляев, под восемьдесят, и лидера шведской команды Томаса Магнуссона легковесом не назовешь. А какие скорости развивают эти гонщики! В наше время мы о таком темпе и думать не смели, а ведь современные дистанции все больше приближаются к горнолыжным, и от гонщика все чаще требуется сноровка слаломиста.

Вот как выглядят сегодня герои большой лыжни. Их шаг стал более мощным, и огромные силы, накопленные ими, с лихвой компенсируют увеличение веса. И все же преимущества гонщика-тяжеловеса еще не доказаны. Разве можем мы забыть о том, что на Олимпийских играх 1972 года в Саппоро гонку на 15 километров выиграл швед С. О. Лундбак, вес которого равен всего 67 килограммам, что олимпийский чемпион на 30 километров Вячеслав Веденин также принадлежит к классическому типу гонщиков-легковесов. И только в гонке на 50 километров ее победитель норвежец П. Тилдум был представителем новой формации лыжника. Больше того, неудачное выступление финского гиганта Юха Мието на чемпионате мира 1974 года в Фалуне наверняка заставило задуматься тех, кто считает, что современный лыжный гонщик имеет право на вес.

Но если спор легковесов и тяжеловесов еще не решен, то зато решен другой спор, имеющий значительно более принципиальное значение и длящийся вот уже более двадцати лет. Я имею в виду спор между скандинавскими и советскими лыжниками. Теперь уже никто не сомневается, что традиционный триумвират, состоящий из лыжников Финляндии, Швеции и Норвегии, теряет свою былую славу. Отошли в прошлое те времена, когда гонщики этих трех северных стран неизменно делили между собой все призовые места и на чемпионатах мира и на Белых Олимпиадах.

Двадцать два года тому назад на чемпионате мира в Фалуне советский лыжник Владимир Кузин сперва выиграл у сильнейших скандинавских лыжников гонку на 30 километров, а потом добился и второй самой почетной победы, завоевав первенство в гонке на 50 километров. С этого советские спортсмены начали свои выступления на международной лыжне. Затем бывало всякое. Была и золотая медаль в эстафетной гонке на Белой Олимпиаде 1956 года в Кортина д'Ампеццо и успех на других дистанциях в Доломитовых Альпах, были и неудачи на следующей Олимпиаде в Скво-Вэлли, а затем и на чемпионате мира в Закопане в 1962 году, да и на Олимпийских играх в Инсбруке два года спустя нашим лыжникам тоже не удалось блеснуть.

К этому времени ушли из спорта наши славные первооткрыватели, и на чемпионате мира в 1966 году в Холменколлене (Норвегия) впервые в полную силу прозвучало имя Вячеслава Веденина. Тогда он, двадцатипятилетний лыжник, хоть и занял в гонке на 50 километров только шестое место, но оставался почти до самого финиша лидером и обратил на себя внимание всех знатоков. И вот спустя два года на Олимпийских играх в Гренобле Вячеслав Веденин на той же дистанции завоевал серебряную медаль, проиграв победителю, норвежцу О. Эллефсетеру, всего несколько секунд.

Это был большой успех советского гонщика, но, увы, единственный, никто из товарищей не смог поддержать его усилий. Советские лыжники в Гренобле выступили неудачно, но зато мы поняли, что наша команда получает сильного молодого лидера. И действительно, на чемпионате мира в Высоких Татрах 1970 года Вячеслав Веденин оказался первым в гонке на 30 километров, а на дистанции 50 километров лишь в самый последний момент выпустил вперед финского лыжника К. Ойкарайнена.

Василий Рочев после финиша.

Выступление наших гонщиков на мировом первенстве в Высоких Татрах было подобной же сенсацией, как и их выступление в Фалуне в 1954 году. Впервые после Белой Олимпиады в Кортина д'Ампеццо им удалось победить в эстафете (В. Воронков, В. Таракaнов, Ф. Симашев, В. Веденин), а один из участников этой победной эстафеты, Федор Симашев, занял третье призовое место в гонке на 15 километров.

Давно уже скандинавские лыжники не терпели такого урона от лыжников СССР. Но, пожалуй, еще большей сенсацией было решительное вмешательство в спор на лыжне гонщиков ГДР. Для них Штрбске Плесо-70 было тем же, что для нас Фалун-54. Спортсменам ГДР не сразу удалось закрепиться на отвоеванных позициях. На Олимпийских играх 1972 года в Саппоро они не смогли занять ни одного призового места, зато для нас японский снег стал поистине победным. Впервые советским лыжникам удалось получить золотую медаль за участие не в командной, а в личной гонке. Этим лыжником был все тот же Вячеслав Веденин, победивший на дистанции 30 километров, а затем он и его товарищи В. Воронков, Ю. Скобов и Ф. Симашев завоевали золотую медаль и в эстафете. Если вспомнить, что к этим двум высшим наградам прибавил свою серебряную медаль, полученную в гонке на дистанции 15 километров, Ф. Симашев и бронзовую, завоеванную в гонке на 50 километров, тот же Веденин, то надо признать, что это был триумфальный успех.

Казалось бы, все эти результаты говорили не только о стабильности нашей команды-72, но и о благоприятных перспективах команды будущего, хотя бы ближайшего, команды-74 (через два года предстоял очередной чемпионат мира и на этот раз снова в счастливом для нас шведском городке Фалуне).

Почему многие верили в такие благоприятные перспективы? Потому что рядом с Вячеславом Ведениным и быстро набиравшим силы Федором Симашевым мы увидели наконец еще одного гроссмейстера лыжни, Юрия Скобова, и его появление говорило о том, что подрастает новое поколение гонщиков, которое будет способно продлить дело, начатое их предшественниками.

Юрий Скобов, участник золотой эстафеты в Саппоро, бесспорно, подавал самые большие надежды. Дважды он был чемпионом Европы среди юниоров и за два года далеко шагнул вперед. Увы, в дальнейшем его путь был не столь успешным, как этого хотелось бы. Завоевав первенство страны 1972 года сразу на двух дистанциях — 15 и 30 километров, Скобов в следующие два сезона не смог развить свой успех. Однако нашлись в нашем резерве молодые гонщики, его ровесники, сразу же сумевшие заменить его. Уже в последней лыжной гонке 1972 года в Перми прозвучало новое для нас имя — Сергей Савельев. Он показал четвертое время в гонке на 15 километров и был шестым на дистанции 20 километров. А в 1973 году в Мурманске, на первенстве СССР, Савельев был уже третьим и на 30 и на 15 километров, выиграл 50 километров. И в том же году мы познакомились еще с одним подающим большие надежды лыжником, Василием Рочевым. Двадцатилетний лыжник занял второе место на чемпионате страны в гонке на 30 километров и четвертое — в гонке на 15 километров, а затем на

Ход Сергея Савельева отличается экономностью движений.

Стартует Евгений Беляев.

Юрий Скобов на подъеме.

ВЕДЕТ В АЛЬПЫ

празднике Севера выиграл гонку на 30 километров. И вот первый успех молодого чемпиона на международных соревнованиях: в Кируне (Швеция) он занял третье место на дистанции 30 километров.

Да, это был «урожайный» год. Веденин и Симашев получали надежную смену, но в том же году мы с тревогой присматривались к тому, что происходит на международной лыжне. В том сезоне мы не могли похвастаться большими успехами на традиционных скандинавских лыжных гонках. В Фалуне, Лахти и Холменколлене укрепляли свои позиции новые скандинавские лыжники того же возраста, что Савельев и Рочев.

С норвежцами Оддваром Бро и Иваром Форму мы встретились еще в Саппоро, где они успешно выступали в эстафете, обеспечив своей команде второе место, а, кроме того, Форму был еще третьим в гонке на 15 километров. Теперь мы с тревогой ждали зимы 1974 года, когда наши молодые мастера должны были испытать свои силы на чемпионате мира. Успеют ли они сделать новый шаг? Сможет ли поправиться после тяжелой травмы ноги Веденин? Найдется ли лыжник, который сможет взять на себя лидерство? И если на первый вопрос ответ был получен положительный, то на второй и на третий, увы,— отрицательный.

Нам оставалось утешаться тем, что от соревнования к соревнованию появляются новые, подающие большие надежды гонщики. На Кубке СССР, который по традиции разыгрывался в Бакуриани, заявил о себе Николай Бажуков. В гонке на 15 километров в Лахти Василий Рочев доказал, что может побеждать не только на своем снегу.

Это был большой успех гонщика из Сыктывкара. Всего два года понадобилось ему, чтобы добиться одной из самых почетных побед, и все же Рочев еще не мог заменить Веденина, наша команда, которая должна была выступать в Фалуне, не имела своего лидера. Надежда была на Симашева, но он выступил неудачно и занял в гонке на 30 километров двадцать шестое место.

Конечно, серебряные и бронзовые награды в Фалуне после достигнутых успехов в Саппоро не могли особенно нас радовать, а в это время новое поколение скандинавских лыжников выступало очень успешно.

В Фалуне мы снова встретились с теми молодыми лыжниками Швеции, Норвегии, Финляндии, которые должны были стать главными нашими соперниками на Олимпийских играх в Инсбруке в 1976 году. Уже первую гонку чемпионата мира выиграл двадцатичетырехлетний шведский лыжник Томас Магнуссон (рост 184 сантиметра, вес — 78 килограммов), а вторым за ним был финн Юха Мието. Гонку на 15 километров выиграл тоже молодой лыжник норвежец Магне Мюрму, а за ним потянулись два его младших товарища — уже знакомые нам Оддвар Бро и Ивар Форму (они заняли в этой гонке пятое и шестое места). Эти три норвежца да еще Одд Мартинсен и завоевали третье место в эстафете, проиграв лишь командам ГДР и СССР.

Но главным открытием чемпионата мира были, конечно же, гонщики из ГДР. **Уже несколько лет они обращали на себя внимание своим быстро растущим мастерством. Герхард Гриммер и Герд-Дитмар Клаузе были давними нашими знакомыми. Как я уже писал, мы приметили их еще на чемпионате мира в Высоких Татрах. Они отлично выступали на Кавголовских играх в 1971 году. На предолимпийских соревнованиях в Саппоро Гриммер победил на дистанции 30 километров, но на самой Белой Олимпиаде команда ГДР выступала неудачно. И вот яркая вспышка в Фалуне! Гриммер — чемпион мира в гонке на 50 километров и серебряный призер на 15 километров. Команда ГДР — первая в эстафете!**

А вскоре после чемпионата мира, на финише лыжного сезона в Мурманске, мы смогли поздравить с успехом в гонке на 15 километров представителя норвежских гонщиков Оддвара Бро. Он разделил первое место с Иваном Гараниным. И вот примечательная деталь: третьим был самый молодой член сборной команды СССР Евгений Беляев, выигравший и у Гриммера и у другого гонщика ГДР, Хеслера.

Сегодня нам имя Беляева хорошо знакомо, но тогда, в Мурманске, Беляеву был всего двадцать один год, что не помешало ему уже в начале сезона 1975 года проявить себя лыжником высокого класса: он занял третье место после Савельева и Рочева на дистанции 15 километров в Красногорске, а на международных соревнованиях в Кавголово на этой дистанции уступил лишь норвежцу Бро и занял третье место в гонке на 30 километров, оставив позади себя Бажукова и Савельева.

Так постепенно расширялся круг кандидатов на место в олимпийской команде-76. Молодых гонщиков обкатывали всю прошлую зиму на крупных соревнованиях в Швеции, Финляндии, Норвегии и на предолимпийских гонках в Зефельде в Австрии. А там отличились уже хорошо знакомые нам лыжные асы Томас Магнуссон, Герхард Гриммер и Одд Мартинсен. Всю зиму преследовали нас все те же знакомые имена: Магнуссон, Гриммер, Бро, Форму, Мюрму, Мието,— и думаю, что не ошибусь, если скажу, что именно с этими лыжниками придется нам вести борьбу на Олимпиаде. Так или иначе, нынешний год отличается от года 1974-го, когда наша команда перед отъездом в Фалун оказалась без лидера. Теперь на лидерство может претендовать молодой, растущий от гонки к гонке Василий Рочев, а также его товарищи Н. Бажуков и С. Савельев, отлично проявившие себя на всех последних соревнованиях.

Да, руководителям сборной команды было нелегко: слишком много равноценных кандидатов на поездку в Инсбрук оказалось у них под рукой. Последняя проверка сил была проведена в Бакуриани, уже перед самым отлетом в Австрию. Там отличились уже хорошо знакомые нам Юрий Скобов и Сергей Савельев, а в те дни, когда номер «Огонька» попадет к читателю, уже начнется борьба на Белой Олимпиаде. Там мы и встретимся с главными действующими лицами этого очерка. Пожелаем же им счастливой лыжни.

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И. Д. СЫТИНА

ПАТРИОТ КНИЖНОГО ДЕЛА

Жизнь Ивана Дмитриевича Сытина, вышедшего из самой гущи народной и ставшего одним из видных деятелей культуры России, озарена страстной любовью к книге — книге для народа.

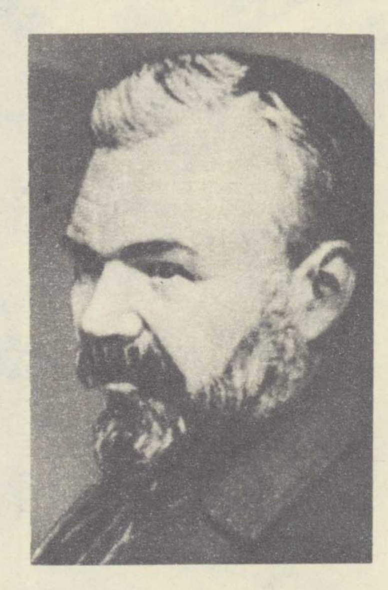
В 1866 году четырнадцатилетний Иван Сытин начинает служить у купца Шарапова «мальчиком». Приметив старание и расторопность паренька, хозяин доверяет ему разъезды по торговым делам — снабжение печатной лубочной продукцией провинциальных коробейников-«офень». В семидесятые годы Сытин заводит самостоятельное издательское предприятие. На первых порах его товарищество выпускало книжонки типа пресловутых «Еруслана Лазаревича» и «Бовы». Но человек делает книгу, а книга — человека. Вскоре Сытин осознает, что книга не просто товар, но и в первую очередь средство повышения культуры. Он поднимается до мысли, что читателя надо воспитывать, развивать его вкус.

Свою работу в этом направлении Сытин начал с выпуска дешевых изданий классиков: Пушкина, Гоголя и других. Эти книги выходят огромными тиражами — 100 тысяч экземпляров! Цифра по тем временам неслыханная.

И все тиражи разошлись сразу же — затея Сытина, которую считали обреченной на неудачу, оправдала себя и позволила значительно расширить дело. Сытин угадал тягу народа к серьезному чтению и немало способствовал ее росту. Недаром в 1884 году Л. Н. Толстой привлек Сытина к организации известного издательства «Посредник».

Сытин был одержим идеей народного самообразования, в котором, как он справедливо полагал, важнейшую роль играла книга — общедоступная и интересная, хорошо оформленная, влекущая к познанию. Издатель старался снабдить такой книгой все слои населения. Для детей он выпустил сборники лучших русских и зарубежных сказок, а затем стал печатать шедевры мировой литературы («Путешествия Гулливера», «Дон Кихот», «Хижина дяди Тома»). В сытинской фирме выходит и «Детская энциклопедия» — первое в стране издание такого типа, подготовленное видными учеными и педагогами.

Просветительская деятельность Сытина имела самый разносторонний характер. Он издавал красочные пособия и таблицы для школ, выпускал с 1891 года журнал «Вокруг света», в котором научность сочеталась с занимательностью. Брался Сытин за издание научной книги — и здесь добивался значительных успехов. Выпущенные им семитомная «Отечественная война 1812 года и русское общество», «Военная энциклопедия» и до сего дня не утратили своей познавательной ценности благодаря обилию и значительности фактического материала.

За антиправительственные настроения, проникшие на страницы его изданий, Сытин не раз привлекался к суду. В 1905 году его типографское предприятие, на котором восставший пролетариат выпустил первые «Известия Московского Совета рабочих депутатов», было подожжено царскими опричниками.

Деловые способности Сытина говорят сами за себя. А вот о сытинском таланте общения с людьми следует сказать особо. Когда он начинал издавать газету «Русское слово», то сумел привлечь в нее тогдашнего «короля фельетонистов» В. Дорошевича, писателей Гиляровского, В. И. Немировича-Данченко.

Дружеские отношения связывали Сытина с Горьким. Великого пролетарского писателя всегда притягивали недюжинные, талантливые натуры. Еще в 1911 году он писал Сытину, что для него знакомство с издателем «радостно и ценно, ценно без всякого отношения к «делам»...». И через два года снова: «Мне очень грустно и досадно, что все не приходится еще раз встретиться и поговорить с вами,— поверьте, что сожалеть об этом меня побуждают не какие-либо деловые соображения, но совершенно свободное желание общения с умным многоопытным русским человеком хорошей души...»

И. Д. Сытин — один из тех талантливых самородков, чьими усилиями строилась демократическая русская культура. Он немало сделал для того, чтобы широкие народные массы, простые рабочие и крестьяне, приохотились к чтению Пушкина и Гоголя, отказавшись от «милорда глупого...».

В. МЕЩЕРЯКОВ

СНОВА «КАНТРИ МЬЮЗИК»

Веселая, неприхотливая, живая музыка американского народа — сплав очень разнообразных, непохожих друг на друга компонентов, от баллад старой Англии до напевов африканских тамтамов. Выражающая думы и чаяния, горести и радости, надежды и стремления простых людей, музыка «кантри» завоевала любовь миллионов не только в самих Соединенных Штатах, но и далеко за их пределами. Стала она популярной и у нас.

Впервые советская аудитория близко познакомилась с музыкой «кантри» в прошлом году, когда известный ее исполнитель Теннеси Эрни Форд выступал в городах СССР со специальной программой, прослеживающей историю развития этого направления от истоков до наших дней.

А с 20 января по 2 февраля в Риге, Ленинграде и в Москве выступал со своим «кантри шоу» один из самых прославленных певцов и музыкантов Америки, виртуозный гитарист и банджоист Рой Кларк. Музыкой он занимается, по его собственным словам, «с тех пор, как себя помнит». В семье играли все — отец, братья отца. Отец не был профессиональным исполнителем, он служил в конторе, но любил гитару и банджо, а по выходным дням подрабатывал музыкой.

— Для меня с детства было естественным возиться с гитарами и банджо отца, — говорит Рой Кларк. — Бренчал на них помаленьку, развлекался — они у меня вместо игрушек были. А когда мне исполнилось четырнадцать лет, что-то перевернулось в душе, и вот так, сразу, я понял, что «кантри» — это моя жизнь и другой жизни не будет. Отец подарил мне гитару и самоучитель игры на ней, с этого и началась моя музыкальная карьера.

Гастрольные поездки для Кларка и его коллег — дело привычное. «300 дней в году мы живем на колесах», — сказал мне Бак Трент, банджоист, который пятнадцать лет дружит с Кларком, а с 1974 года вместе с ним работает.

На гастроли в СССР труппа приехала впервые.

— Скажите, господин Кларк, как возникла эта идея о поездке в СССР?

— Года полтора назад я встретился в США с советской делегацией. Члены делегации сказали мне после нашего концерта: «Почему бы вам не приехать на гастроли в СССР?» Идея мне очень понравилась, и я ответил: «А почему бы нет? Это ведь очень интересно».

Я никогда и ни на что не променял бы опыт, полученный во время этой поездки. В жизни не встречал столь открытых, дружелюбных людей. О такой аудитории, как здесь, можно только мечтать. Несмотря на языковой барьер, быстро устанавливается контакт, мы чувствуем зал и понимаем, что зал чувствует нас. Но мы ведь с людьми встречаемся не только в концертном зале. У нас, помимо выступлений, было много встреч и с музыкантами, и с композиторами, и со студентами. Когда вернусь домой и меня спросят, как там, в Советском Союзе, одно только смогу ответить: «Вот это да!»

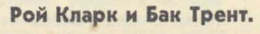
— А еще к нам приедете?

— Сказать откровенно, — улыбнулся Рой Кларк, — мы еще не успели уехать, а уже строим планы, как вернуться обратно... На встречах с нашими новыми друзьями нам предложили двадцать самых любимых русских народных песен. Мы решили забрать все эти песни с собой в Америку и исполнять там. Думаем выпустить целый альбом этих песен в нашей обработке. Вот видите, какой у нас был плодотворный творческий обмен с советскими людьми.

Юрий ЗАРАХОВИЧ

Ансамбль «Оук Ридж бойз».

Рой Кларк и Бак Трент.

Фото М. Савина.

Увлекся.

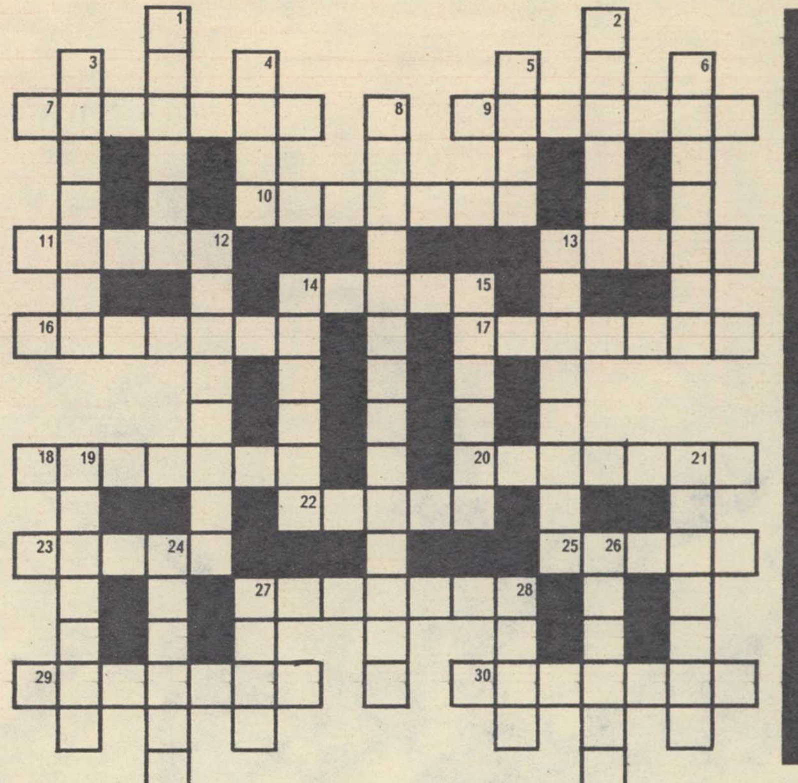
Куда же ты!

Разминка.

— Теперь и машину не нужно будет прогревать.

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА

КРОССВОРД

По горизонтали:
7. Великий русский писатель. 9. Лиственный лес. 10. Озеро на Кольском полуострове. 11. Спутник планеты Сатурн. 13. Украинский поэт. 14. Шерстяная ткань. 16. Вокально-инструментальное произведение. 17. Древнегреческий драматург. 18. Итальянский композитор. 20. Тригонометрическая функция. 22. Река, впадающая в Балтийское море. 23. Стеклянный шкаф для посуды. 25. Минерал, двуокись кремния. 27. День недели. 29. Возвышение для выступления оратора. 30. Гриб.

По вертикали:
1. Преграда из срубленных деревьев. 2. Закрытый конный экипаж. 3. Большой круглый хлеб. 4. Курорт в Краснодарском крае. 5. Оптический прибор. 6. Денежная единица Парагвая. 8. Город в Донецкой области. 12. Промысловая рыба. 13. Декоративное вечнозеленое растение. 14. Картина И. И. Левитана. 15. Действующее лицо оперы Н. А. Римского-Корсакова «Садко». 19. Черный тополь. 21. Часть речи. 24. Персонаж романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». 26. Птица. 27. Приток Подкаменной Тунгуски. 28. Атмосферное явление.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали: 7. «Пуритане». 8. Атабаска. 9. Жуковский. 12. Менцель. 13. Агроном. 14. Панно. 16. Жако. 17. Крем. 18. Мокша. 19. Киото. 20. Галс. 22. Фетр. 24. Акаба. 27. Ящерица. 29. Джемпер. 30. Хельсинки. 31. Десятина. 32. Аэродром.

По вертикали: 1. Глазурь. 2. Арабика. 3. Кувшинка. 4. Пеночка. 5. Бассейн. 6. Сказание. 10. Жеромский. 11. Прокофьев. 14. Пешка. 15. Осина. 21. Ацетилен. 23. Тепловоз. 25. Кальман. 26. Барибал. 28. Аметист. 29. «Дикарка».

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Выпускница технического училища Светлана Иванова работает на обогатительной фабрике в Березниках.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Растет город шахтеров и химиков, металлургов и строителей — Березники. ● Сцена из балета «Жизель» в постановке народного театра балета Дворца культуры «Энергетик». ● Издали видны промышленные силуэты города. ● Любят свой новый дворец пионеры. На занятиях в кружке «Умелые руки». ● Центральную площадь украсил новый универмаг. (См. в номере материал Б. Смирнова «Соль земли».)

Фото Л. Шерстенникова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 19/I — 1976 г. А 00618. Подп. к печ. 3/II — 1976 г. Формат 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 506. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 1655.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

В ЦЕНТРЕ Г

Н. АНАНЬЕВ

Фото автора

Мы специально туда не собирались. Выдалось немного свободного времени, и зашли на несколько минут в любимый ленинградцами парк имени Кирова. «Воздухом подышать» — как обычно говорят горожане. Идем по аллее, дышим, наслаждаемся, и вдруг жена замерла на месте и шепчет едва слышно: «Белка!»

Смотрю: напротив по стволу старого дуба пушистый зверек сбегает — и прямо на дорожку, под ноги! Жена шепчет: «Есть у тебя с собой что-нибудь съедобное!» — а сама открывает сумочку. И тут совсем уж непонятное случилось: белка — шасть ей на руку и в сумочку заглядывает: нет ли там чего вкусненького! Нашлась конфета! Белка цап ее в лапки, на землю, на дерево — и была такова.

На другой день взял я фотоаппарат, в карман семечек насыпал, сухариков набрал и снова в парк. Любопытно было, откуда белка здесь объявилась. Иду по аллеям и вижу: повсюду люди с орехами в руках и все вверх смотрят. Не успел я удивиться, как спрыгнула белка, уселась кому-то прямо на руку и стала орешки с ладони собирать. И к другим белки пожаловали, как в сказке!

Позже я узнал: есть у сказки своя предыстория. Старший мастер садово-паркового хозяйства А. Р. Метс рассказал:

— Белок и бурундуков поселили здесь пять лет назад. Сейчас их в парке уже больше сотни. На деревьях им устроили домики, и обслуживает их специальная машина с телескопической вышкой: наши работники чистят беличьи хоромы, следят, чтобы какой грязи к себе не натащили,— словом, пекутся о здоровье зверьков.

Множество людей сюда ходит,— говорит Андрей Рихардович.— Изо дня в

ОРОДА

день навещают своих любимцев, и те охотно берут лакомства не только из кормушек, но и из рук.

...Какой-то пожилой человек стряхнул с ладони крошки и торопливо ссыпал в карман пригоршню орехов. «Домой!» — спросил я. «Нет, в парк Победы. Белки и туда перебрались! Здесь еще что! А там они прямо в карман залезают. Если интересно — поищите их от читальни справа!»

И ушел. А мне подумалось: как все же хорошо, когда в глазах у человека столько теплоты и сердечности.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663